

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
Санкт-Петербургский государственный университет

Ткач Дарья Сергеевна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА НА ТЕМУ:

Внешняя Монголия в 1921-1924 гг.: очерк политической истории

Образовательная программа «Востоковедение и африканистика»

Направление «Востоковедение и африканистика»

Профиль «история Монголии»

Научный руководитель:

Попов Антон Владимирович,
кандидат исторических наук,
доцент

Рецензент:

Успенский Владимир Леонидович,
доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербург
2018

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Революционные события во Внешней Монголии в конце 1920 и в 1921 г.....	9
Глава 2 Изменения в государственном строе и внутривполитическом положении Внешней Монголии в 1921-1922 гг.	34
Глава 3 Международное положение Внешней Монголии в 1921-1922 гг.....	62
Глава 4 Политические и социальные преобразования во Внешней Монголии в 1921-1924 гг.....	84
Заключение.....	97
Список использованной литературы	99

Введение

Спровоцированный цинским влиянием глубокий кризис, который в конце XIX – начале XX в. охватил и политическую, и экономическую, и социальную сферы жизни монгольского общества, не только обострил проблему сохранения традиций монгольской государственности, но и привел к появлению реальной опасности утраты монголами этнической самобытности. Средством, способным уберечь Монголию от дальнейшего катастрофического и необратимого развития кризиса, стало движение по пути достижения политической независимости, по пути восстановления собственного национального государства. Первый шаг в этом направлении был сделан в ноябре-декабре 1911 г. на волне Синьхайской революции, когда в Урге сейм иерархов буддийской церкви, князей и чиновников объявил о независимости Внешней Монголии от Китая. Впрочем, сама по себе эта политическая декларация не сформировала (и не могла сформировать) даже минимальных условий, необходимых для достижения государственной независимости и суверенитета. В 1915 г. международной конференцией в Кяхте правовой статус Внешней Монголии был определен как широкая автономия в составе Китайской Республики. Фактически же положение данного региона было весьма близким к российскому протекторату. Гибель Российской Империи в огне революционных событий 1917 г. открыла в монгольской политической истории новую страницу. В октябре 1919 г. китайские власти ввели войска на территорию Внешней Монголии и объявили об упразднении ее автономии. Перед Внешней Монголией всерьез встала угроза превращения в китайскую провинцию, связанная к тому же с опасностью вовлечения в бурные революционные процессы, которыми в то время был охвачен Китай. Впрочем, не меньшую опасность таила в себе и гражданская война в России, эпицентр которой во второй половине 1919 г. переместился в Восточную Сибирь и затронул регионы, расположенные вблизи монгольской границы. Отвести многочисленные угрозы и свести к минимуму опасности могло лишь возвращение Монголии на путь строительства независимого государства.

События 1921-1924 гг. были одним из самых важных, поворотных моментов в новейшей истории Монголии. Они положили начало новому этапу в развитии этой страны, в ходе которого она продолжила движение к достижению государственного суверенитета, изменилась ее социальная структура, культурный и хозяйственный облик, возникли новые административно-политические институты. По изложенным причинам, изучение данных событий в отечественной и зарубежной историографии на протяжении почти уже столетия, которое минуло со времен монгольской революции, имеет особое и непреходящее значение. За недавнее время было опубликовано значительное количество работ, посвященных как отдельным событиям, произошедшим в Монголии в 1921-1924 гг., так и общим проблемам, связанным с оценкой причин, характера и итогов монгольской революции. Таким образом, к настоящему времени появилась необходимость в специальном историографическом исследовании монгольской истории в ее революционный период.

Актуальность темы такого исследования вытекает из необходимости сопоставления и анализа обоснованности и объективности различных противоречивых оценок описываемых нами событий, содержащихся в работах разных отечественных, монгольских и западных авторов, писавших свои работы в разные годы. Изложенное, как нам кажется, позволяет определить стоящие перед работой исследовательские задачи. Они состоят в том, чтобы, основываясь на работах отечественных и зарубежных историков, описать основные события, происходившие во Внешней Монголии в период 1921-1924 гг., дать характеристику преобразованиям, произошедшим в то время в этой стране и осветить их политические итоги. На таком конкретно-историческом фоне мы попытаемся сопоставить различные оценки характера и результатов событий 1921-1924 гг., содержащиеся в использованной литературе, определить глубину названных различий и указать на их причины.

События, происходившие во Внешней Монголии в 1921 – 1924 гг., давно и прочно заняли одно из центральных мест в историографии всей ее новейшей

истории. Отечественные исследователи уже в начале и середине 1920-х гг. обратили внимание на этот переломный момент в развитии монгольского государства и общества. Среди советских авторов, в те годы активно включившихся в изучение революции в Монголии, следует отметить И. М. Майского, А. Д. Каллиникова, Г. Ф. Кунгурова и др¹. В 20-30-е гг. XX в. основное внимания советскими авторами уделялось изучению проблем мировой революции и анализу возможностей использования территории Внешней Монголии как плацдарма в продвижении этой революции на Восток. В работах советских историков-монголоведов тематика, связанная с событиями 1921-1924 гг., сохраняла значение одного из приоритетных направлений исследований вплоть до 1980-х гг.² В 1950-е – 80-е гг. к анализу интересующих нас проблем активно подключились и монгольские историки³.

На наш взгляд, в исследованиях советских и монгольских ученых, вышедших в свет в середине и второй половине XX в., события революции в Монголии по ряду объективных причин не получили полного и разностороннего освещения. Прежде всего, в то время многие важные советские и монгольские архивные документы и материалы, которые характеризовали ход и причины упомянутых событий, в силу политической актуальности последних, имели гриф секретности и были недоступны исследователям. Помимо того, историки, занимавшиеся в СССР и МНР тематикой, связанной с революцией в Монголии, следовали официальным теоретическим постулатам и не были свободны в выборе методологии анализа интересовавших их исторических явлений. В результате, на протяжении почти семи десятилетий, последовавших за революционными событиями 1921 – 1924 гг. в Монголии, в отечественной историографии, так же как и в монгольской, в вопросах оценки причин, характера и периодизации монгольской революции господствовал единый и, в целом, достаточно

¹ И.М. Майский. Современная Монголия. Иркутск. отд. Госиздата, Иркутск, 1921; А. Каллиников, Национально-революционное движение в Монголии, Московский рабочий, М.; Л., 1926; А. Каллиников. Революционная Монголия, Госиздат, М., 1926; Кунгуров Г. Ф. и Сороковиков И. А. Аратская революция, Кн. изд-во, Иркутск, 1957.

² История МНР, Наука, М., 1967, с. 32.

³ Б. Ширендыб, История монгольской народной революции 1921 года, Наука, М., 1971.

догматичный подход. Непреложной истиной считалось, что революционный взрыв в Монголии был вызван причинами сугубо внутреннего характера – отсталостью социально-экономического уклада и образа жизни монгольского общества; закостелостью и несовершенством политического и государственного устройства теократической монархии во главе с Богдо-гэгэном. Из причин внешнеполитического характера, на первый план выдвигалось сопротивление монголов попыткам Китая ликвидировать автономию их государства, а также борьба за достижение Монголией национально-государственной самостоятельности, полной независимости от Китая и суверенитета монгольского государства в международных делах. Особое значение придавалось воздействию событий Октябрьской революции в России на развитие внутривосточной ситуации в Монголии и созревание революционного кризиса. Однако характер этого воздействия признавался опосредованным, т. е. вторичным – Советская Россия оказала материальную, военную и дипломатическую поддержку монгольской революции, способствовала утверждению республиканского строя в этой стране⁴.

На более современном этапе развития отечественной монголоведной историографии исследования проблем политической истории Монголии 20-х гг. XX в. получили новый импульс. Были введены в научный оборот новые архивные материалы, существенно изменилась методология исторической науки. Современных российских ученых отличает комплексный подход к исследованию интересующих их явлений монгольской истории, свобода от непреложных идеологических оценок и привлечение ранее недоступных архивных источников⁵. Вместе с тем отечественные авторы продолжают рассматривать российское

⁴ А. Калинин. Национально-революционное движение в Монголии, Московский рабочий, М.-Л., 1926, с. 42-43; И. М. Майский. Монголия накануне революции, Наука, М. 1960, с. 282; И. Я. Златкин. Очерки новой и новейшей истории Монголии, Изд-во восточной лит., М., 1957, с. 171; Б. Ширендыб. История монгольской народной революции 1921 года, Наука, М., 1971, с. 176-177; Ц. Пунцагноров. Монголын автономит уеийн туух (1911-1919), Улсын хэвлэл, Улаанбаатар, 1999, х. 19.

⁵ С. Г. Лузянин. Монголия: между Китаем и Советской Россией. 1920-1924//Проблемы Дальнего Востока, № 2, 1995, с.73; Э. В. Батунаев. Борьба за независимость монгольского государства (1911-1921 гг.), Изд-во БНЦ СО РАН, Улан-Удэ, 2015, с. 122-123; Л. Б. Жабаяева. Становление российско-монгольского сотрудничества в военной области// Вестник ВСГУТ, № 1, Улан-Удэ, 2012, с. 94; С. К. Рошин. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.), Институт востоковедения РАН, М., 1999, с.27.

влияние в качестве одного из решающих фактов, определивших течение политической жизни Монголии в начале 1920-х гг.

Одним из важнейших современных российских исследований, имеющих прямое отношение к теме нашей работы, является монография С. К. Рощина «Политическая история Монголии (1921-1940 гг.)»⁶. Ее автором дана подробная оценка политической борьбы в Монголии в начале 1920-х гг., рассмотрены портреты известных монгольских политических деятелей. С. К. Рощин в своей работе справедливо называет «период 20-30-х гг. временем коренных демократических преобразований, национального и государственного возрождения Монголии»⁷.

Значительный интерес с точки зрения нашей темы представляет работа С. Л. Кузьмина «Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века»⁸. Эта монография, как явствует из ее названия, главным образом посвящена истории теократической государственности и буддийской церкви во Внешней Монголии в начале и первой половине XX в. Но в связи с основной темой своего исследования С.Л. Кузьмин обращается и к освещению интересующих нас политических событий, дает оценки предпосылкам и итогам революции 1921 г. и особенностям послереволюционных процессов государственной, идейной и социальной эволюции монгольского общества.

Что касается современных монгольских историков, чьи исследования были использованы нами при написании данной работы, то они в оценке характера событий 1921-1924 гг. уже не отличаются былой солидарностью с отечественными авторами. С точки зрения монгольских исследователей, упомянутые события явились важным толчком для дальнейшего упрочения независимости и суверенитета Внешней Монголии. Главным результатом этих событий они полагают восстановление во Внешней Монголии собственной суверенной государственности. Признавая в целом важную роль внешних

⁶ С. К. Рощин. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.), Институт востоковедения РАН, М., 1999.

⁷ Там же, с. 308.

⁸ С. Л. Кузьмин, Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века, Товарищество научных изданий КМК, М., 2016.

влияний на революционные события, происходившие во Внешней Монголии в начале 1920-х гг., монгольские историки вместе с тем не склонны к тому, чтобы считать решающей степень зависимости итогов этих событий от политики иностранных держав, стремившихся лишить «монгольский вопрос» в собственных интересах⁹.

К изложенному следует добавить, что предпринятое нами историографическое описание событий истории Внешней Монголии в начале 1920-х гг. в ряде случаев потребовало обращения к оригиналам политических документов и материалам официальных источников. В связи с этим при написании данной работы нами использован сборник документов «Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921-1924 гг.»¹⁰.

Данная работа состоит из введения, четырех глав и заключения. В первой главе освещаются революционные события во Внешней Монголии в конце 1920-начале 1921 гг. Задачи, стоящие перед второй главой, состоят в том, чтобы проанализировать изменения, произошедшие в государственном строе и внутривластном положении во Внешней Монголии в 1921-1922 гг. В третьей главе рассматривается международное положение Внешней Монголии в период 1921-1922 гг. В четвертой главе дан краткий анализ политических и социальных преобразований в Монголии в 1921-1924 гг.

⁹ Баабар. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита, Татар. кн. изд-во, Казань, 2010, с. 207; Р. Болд. Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США-Россия-Китай, 1910-1973, Изд-во «Весь мир», М., 2015, с. 110-111; О. Батсайхан. Монгол үндэстэн бүрэн эрхт улс болох замд (1911-1946), Шинжлэх Ухааны Академи, Улаанбаатар, 2014, х. 196-197.

¹⁰ Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921-1924 гг.: Документы : [Пер. с монгол.] / Сост. Ц. Насанбалжир ; Ред. Ц. Пунцагноров ; Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения. - Москва : Изд-во вост. лит., 1960.

Глава 1

Революционные события во Внешней Монголии в конце 1920 и в 1921 г.

По мере начавшегося в 1919 г. отступления Белой армии и продвижения фронта гражданской войны на восток эпицентр происходивших в России драматических событий постепенно приблизился к границам Монголии. Это обстоятельство существенным образом изменило военно-политическую ситуацию вокруг Монголии и повлияло на развитие событий внутри этой страны. Первым отголоском грядущих перемен стало появление вблизи границ Монголии остатков разбитых белогвардейских войск. В поисках спасения от наседавшего противника некоторые из белых отрядов в конце 1920 – начале 1921 г. двинулись из России на монгольскую территорию. Одним из таких отрядов командовал видный деятель белого движения на Дальнем Востоке, генерал-лейтенант барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг. Он, как никто другой среди всех белогвардейских лидеров, оказался вовлечен в бурные военные и политические события, происходившие в Монголии в 1920-1921 гг. Впрочем, с Дальним Востоком и Монголией Унгерн был связан еще задолго до революции. В 1908 г. по окончании Павловского пехотного училища в Петербурге он был направлен на службу в 1-й Аргунский полк Забайкальского казачьего войска, служил в Даурии, в Благовещенске. Есть сведения, не вполне подтвержденные, что впервые он появился в Монголии в 1910 г. в качестве офицера отряда по охране царского консульства в Урге и что еще к тому времени относится его первое знакомство с рядом монгольских князей и лам.

Позже, находясь уже в России, Унгерн внимательно следил за событиями в Монголии в 1911-1912 гг. (за провозглашением независимости, боями с китайцами на окраинах Халхи и во Внутренней Монголии). Он узнал об учреждении в Урге военной школы с русскими инструкторами и просил направить его туда, но получил отказ. Тогда он решил отправиться в Монголию в частном порядке, уволившись в запас. В августе 1913 г. сотник Унгерн прибыл в

Монголию, в Кобдо, чтобы присоединиться к известному *Джа-ламе*¹¹ и участвовать в борьбе против китайских формирований. Но русский консул в Кобдо строжайше запретил Унгерну служить у Джа-ламы. Все же Унгерн пробыл в Кобдо около полугода. Монгольский историк О. Батсайхан пишет об этой поездке Унгерна: «За время пребывания в Кобдо барон Унгерн сумел глубоко познакомиться с Монголией и ее людьми. Тогда же он начал учить монгольский и китайский языки»¹². О пребывании Унгерна в Монголии писал также С. Л. Кузьмин: «В 1913 г. одиночная поездка в Монголию была рискованным предприятием. Монголия и Маньчжурия были охвачены восстаниями. Но поездка Унгерна не была случайностью или простым стремлением воевать. Он хотел включиться в ту освободительную борьбу, которую вели монголы в Западной Монголии против порабощения маньчжурами и китайцами. Кроме того, в Монголии барон искал те традиции, которые сохранились со времен Чингис-хана, тот образ мышления и уклад»¹³.

Поклонник Востока, его культуры, буддизма, Унгерн, вероятно, вполне искренне мечтал о создании центрально-азиатской державы "Срединного царства" от Амура до Каспийского моря. Монголия, жившая по неизменным тысячелетним законам, почти не затронутая Европейским влиянием, стала для барона "сердцем

¹¹ *Джа-лама* или *Дамбий-джалцан* родился в Астрахани, в семье калмыка Темурсана Санаева в 1860 г. и принадлежал к племени дербетов. Около 1865 г. семья переехала в Монголию. В 1890 г. Дамбий-джалцан появился в Западной Монголии, выдавая себя за воплощение Амурсаны — джунгарского князя, в XVIII в. восставшего за освобождение монголов от власти империи Цин, и «вновь родившегося, чтобы избавить Монголию от маньчжуро-китайского ига». Китайские власти, которые обеспокоились распространением пропаганды Дамбий-джалцана, обратились к консулу России в Урге с просьбой арестовать ламу. Китайский запрос удовлетворили и, по прибытии в Ургу, он, как российский подданный был арестован и выслан в Кяхту. Вероятно, его принудительное пребывание в Бурятии было очень коротким, и он смог бежать (либо был отпущен) в Тибет или Внутреннюю Монголию. В конце 1891 г. он вновь появился во Внешней Монголии, где снова был арестован китайскими властями и перевезен в Улясутай для дальнейшего расследования, однако практически сразу же отпущен. В 1910 г. Дамбий-джалцан вновь появился в Западной Монголии. В период борьбы за независимость Внешней Монголии в 1912 г. сыграл решающую роль в разгроме китайских войск в Кобдо в 1912 г. В 1912 – 1914 г. по повелению Богдо-гэгэна получил в удел хошун и был назначен военным правителем Кобдоского округа. В 1914 г. из-за конфликта с ургинскими властями лишен всех привилегий и выслан в Россию, где помещен под арест. После 1917 г. вернулся в Западную Монголию, где собрал вокруг себя разнородную массу людей различного происхождения и координировал деятельность разбойных отрядов, действовавших на юго-западной монгольской границе. В 1919 г. участвовал в боях с войсками китайских милитаристов, вторгшимися на территорию Внешней Монголии. В 1923 г. отряды Джа-ламы были разгромлены, а сам он убит войсками пришедшего к власти в Урге просоветского Народного правительства.

¹² О. Батсайхан. Монгол ундэстэн бурэн эрхт улс болох замд, х. 133.

¹³ С. Л. Кузьмин. История барона Унгерна: опыт реконструкции, Товарищество научных изданий КМК, М., 2011, с. 34.

мира". Эта страна казалась ему последней надеждой человечества, островом в море «всезатопляющей и гибельной культуры Запада, которая захлестнула уже и Китай, и даже саму Японию»¹⁴. О своеобразных философских и политических взглядах Унгерна можно судить по его многочисленным письмам, которые он в годы Гражданской войны в России писал монгольским князьям и китайским монархистам. В письме к одному монгольскому князю Унгерн сообщил о целях борьбы, которую он вёл: "Я сражаюсь с врагами всего человечества - революционерами. Это люди, которые пренебрегли всеми небесными и человеческими законами, у которых нет религии, нет царей, нет чести, нет ничего святого..."¹⁵.

В годы Первой мировой войны Унгерн был на германском фронте, командовал казачьей сотней, был награжден Георгиевским крестом. Но в начале 1917 г. он был отстранен от должности за дисциплинарный проступок. Для нас важно, что он тогда служил в одном полку с *Г. М. Семеновым*¹⁶, будущим атаманом Сибирского казачьего войска в Забайкалье. Когда в сентябре 1917 г. Семенов направился в Забайкалье формировать свои отряды, Унгерн последовал за ним и возглавил Азиатскую дивизию, которая формально вошла в состав войск Сибирского правительства адмирала Колчака, но фактически не подчинялась никому, кроме, может быть, атамана Семенова¹⁷. В конце 1919 г., когда колчаковская армия стала терпеть очевидное поражение, у Семенова и Унгерна возник план прямого вторжения в Монголию, чтобы уйти от красных, склонить Богдо-гэгэна на свою сторону и укрепиться в Монголии. Но они опоздали:

¹⁴ Л.А. Юзефович. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга), Эллис Лак, М., 1993, с.10.

¹⁵ Э. В. Батунаев, Борьба за независимость монгольского государства, с. 119.

¹⁶ Идея панмонголизма как возможности единения монголоязычных народов начинает расцветать после победы Синьхайской революции 1911 г., принесшей независимость Монголии. Эта идея получила второе дыхание в годы революции и Гражданской войны в России. После падения первой советской власти в Забайкалье атаман *Г. М. Семенов*, одержимый идеей объединения монгольских племен, развернул активную работу по созданию панмонгольского государства, опираясь при этом на японскую военщину и лидеров бурятского национального движения. В начале февраля 1919 г. на станции Даурия состоялось совещание панмонголистов. Съезд панмонголистов начал свою работу 25 февраля 1919 г. в Чите. Съезд принял решение об образовании независимого федеративного великомонгольского государства, в состав которого должны были войти Внутренняя и Внешняя Монголия, Барга и земли забайкальских бурят. В итоге, Даурское правительство «Великой Монголии» просуществовало всего семь месяцев (с февраля по сентябрь 1919 г.) (Курас Л.Г. Панмонголизм в воззрениях атамана Семенова / Власть.2010'08)

¹⁷ С. К. Роцин, Политическая история Монголии (1921-1940 гг.), с. 10.

китайский генерал Сюй Шучжэн со своими войсками в октябре 1919 г. вторгся на территорию Внешней Монголии и упразднил ее автономию. Финал забайкальского правления Семенова и Унгерна наступил осенью 1920 г. Преследуемая неудержимо наступающими войсками красной армии Азиатская дивизия пересекла монгольскую границу в начале октября 1920 г.

При этом Унгерн неустанно пропагандировал свои цели - выбить китайские республиканские войска из Монголии, восстановить автономию, возродить монархию Богдо-гэгэна. К барону потянулись люди - и князья, и простолюдины - в надежде, что его войска это та сила, которая поможет возродить Монголию¹⁸. На фундаменте своей идеологии Унгерн построил конкретную программу действий. Она включала в себя пять последовательных этапов: «1. Взятие Урги и освобождение от китайцев всей Халхи.

2. Объединение под главенством Богдо-гэгэна остальных земель, населённых народами "монгольского корня".

3. Создание центральноазиатской федерации (наряду с "Великой Монголией" первыми её членами предполагались Тибет и Синьцзян).

4. Реставрация в Китае династии Цин, которая "так много сделала для монголов и покрыла себя неувядающей славой".

5. В союзе с Японией поход объединённых сил "желтой расы" на Россию и далее на запад с целью восстановления монархий во всем мире»¹⁹.

Обстановка в Монголии как нельзя лучше благоприятствовала Унгерну. Китайские милитаристы, ликвидировав автономию, установили здесь жесткий оккупационный режим. Произвол, поборы, аресты, национальное унижение – все это вызывало явное недовольство, охватившее разные слои монгольского населения. Вместе с тем положение Аньфуйской группировки китайских милитаристов, чьи войска находились в Монголии, также было весьма сложным. Сошлемся на А. Каллиникова, который по этому поводу писал: «Между тем, (летом 1920 г. – Д.Т.) гражданская война в Китае начала принимать

¹⁸ История Монголии. XX век., с. 59.

¹⁹ Л.А. Юзефович. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга), с. 137.

неблагоприятный оборот для *клуба Аньфу*²⁰ (курсив наш. – Д.Т.). Для участия в боевых операциях в Пекин был срочно вызван Сюй-Шучжен (так в цитируемом тексте - Д.Т.) и другие аньфуистские генералы. Отъезд руководителей создал в настроении оккупационных войск весьма неуверенное настроение и сильно поколебал их и без того весьма непрочное положение»²¹.

27 октября Унгерн подошел к Урге. В его распоряжении было до 800 своих конников и около 200 монгольских цириков²². Но сильный китайский гарнизон отбил все атаки, и Унгерн стал готовиться к более основательному штурму, наращивая силы. В январе 1921 г. у него было около 3 тыс. бойцов. 3 февраля, после ожесточенных боев, город был в руках объединенных сил Унгерна и монголов. Побежденные китайцы во главе с наместником Чэн И в основном бежали на север, в Кяхтинский Маймачен, под защиту местного китайского гарнизона²³.

Выполнив таким образом первый пункт сформулированного им стратегического плана, Унгерн последовательно перешел к решению следующей из стоявших перед ним задач. Очередным шагом, который он предпринял на пути к созданию «центральноазиатской федерации», было возвращение на престол низложенного китайцами Богдо-гэгэна. Тем самым Унгерн восстановил фактическую независимость Внешней Монголии от Китая, за что сам он, его ближайшее окружение и соратники получили высокие награды. Указом Богдо-гэгэна самому барону были присвоены ранг цин-вана (князь I степени) и наивысший ханский титул со званием «возродивший государство великий батор-командующий»²⁴. О событиях, связанных с захватом Унгерном Урги, современные монгольские авторы пишут следующее: «После того как барон

²⁰ *Аньхойская клика* была преобладающей силой в центральном правительстве в Пекине в 1916-1920 гг. Лидеры клики неоднократно возглавляли пекинское правительство. В правительстве клика боролась за влияние с Чжилейской кликой и Фэнтяньской кликой, и это противостояние сопровождалось сложными интригами и военными столкновениями. В 1918 г. генерал Сюй Шучжэн основал в Пекине на одноименной улице так называемый «клуб Аньфу» — политическое отделение Аньхойской клики. Весной 1919 г. на выборах в парламент Китайской республики политики, принадлежавшие к клубу, получили три четверти мест и получили контроль над Северным правительством.

²¹ А. Каллиников, Национально-революционное движение в Монголии, с. 39.

²² А.Н. Кислов. Разгром Унгерна, Воениздат, М., 1964, с. 15.

²³ История Монголии. XX век, с. 60.

²⁴ С. К. Роцин, Политическая история Монголии (1921-1940 гг.), с. 13.

Унгерн проник в Монголию осенью 1920 года, а затем захватил Ургу и вновь посадил на трон Богдо, он (барон Унгерн – Д.Т.) объявил о возрождении монгольской автономии, мобилизовал большое количество монголов в состав своей армии, а также побуждал монголов выступить против Советской России»²⁵.

Пожиная лавры освободителя Монголии от китайских милитаристов, Унгерн начал проявлять очевидное стремление к тому, чтобы укрепить свое влияние в Урге и превратить ее в политический, экономический и военный центр задуманной им «центральноазиатской федерации». О. Батсайхан отмечает следующее: «Связав свою судьбу с Монголией, барон Унгерн в рамках собственных представлений и возможностей старался проявлять заботу о её финансах, торговле, армии. Планировалось создание национального банка, чеканка монеты. В Урге была учреждена военная школа. Предпринимались попытки возобновить добычу угля в Налайхинских коях. Но все это было подчинено главной цели - снабжению Азиатской дивизии, а для содержания такой воинской массы Монголия была мало приспособлена»²⁶. При всех благих намерениях «черного барона» развернутые им преобразования легли тяжким бременем на истощенную двухлетней смутой страну. Всякий, кто уклонялся от выполнения унгерновских приказов, подвергался репрессиям вплоть до расстрела. На территории, контролируемой Унгерном, начались жестокие расправы с населением²⁷. Плата за освобождение от китайцев оказалась непомерно велика.

Столкнувшись с очевидным нежеланием большинства представителей монгольской общественной верхушки поддерживать его военно-политические начинания, Унгерн в конце 1920 – начале 1921 г. не мог рассчитывать и на действенную поддержку сколько-нибудь весомых внешних сил, имевших в то время собственные интересы в Монголии. Безусловно, что к числу сторонников унгерновского правления в этой стране не относились правительства основных ее географических соседей Советской России и республиканского Китая. Негативно

²⁵Б. Балдоо, С. Дамдинсурэн, Л. Хайсандай. Монголын тусгаар тогтнол ба Орос, Хятадын хучин зүйл. Б. Балдоо, С. Дамдинсурэн, Л. Хайсандай, «ADMON», Улаанбаатар, 1999, х. 58.

²⁶ О. Батсайхан, Монгол ундэстэн бурэн эрхт улс болох замд (1911-1946), х. 130.

²⁷ История советско-монгольских отношений, с. 29.

восприняли появление войск Унгерна в Халхе и в американских правящих кругах. США рассматривали вторжение Унгерна во Внешнюю Монголию как военно-политическую акцию, предпринятую под воздействием Японии. Американская сторона считала, что «Унгерн-Штернберг вторгся в Хурээ под тайным нажимом Японии, дабы передать монгольские природные богатства Японии, укрепить ее влияние в Монголии, и с целью установления в Монголии автономии»²⁸. По словам современного монгольского исследователя Р. Болда, власти США были уверены в том, что на стороне Унгерна были японские военные. В меморандуме американского военного министерства, направленном президенту В. Вильсону, в частности, говорилось: «Барон Унгерн занял Хурээ при помощи японцев, в его войске более 70 японских граждан. В делах Дальнего Востока Монголия собирается играть важную роль, все иностранцы в Китае внимательно наблюдают за политикой Японии в отношении Монголии»²⁹.

О том, что Унгерн действительно пользовался определенной политической и военной поддержкой японских властей, сообщают авторы нескольких использованных нами работ. Для примера сошлемся на А. Каллиникова: «Появление барона Унгерна в Монголии показалось японским империалистам удобной комбинацией для того, чтобы еще более усложнить политические неурядицы в Китае и помешать, намечавшемуся тогда, его объединению, а также для продолжения своей захватнической политики на русском Дальнем Востоке. К штабу Унгерна была прикомандирована в качестве политических эмиссаров группа инструкторов-офицеров японского генерального штаба. Под влиянием японских советов Унгерн решил использовать проект великомонгольского движения и выбросил лозунг независимости Монголии»³⁰.

Вместе с тем скрытое содействие, которое Унгерн получал от японского правительства, не смогло существенным образом изменить расстановку политических и военных сил, боровшихся за контроль над Внешней Монголией в

²⁸ Р. Болд, Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США-Россия-Китай, 1910-1973, с. 107.

²⁹ Там же, с. 109.

³⁰ А. Каллиников, Национально-революционное движение в Монголии, с. 40.

начале 1920-х гг. О различных политических пружинах, действие которых лишило Унгерна и его сторонников единственной потенциальной возможности опоры на могущественного японского союзника, рассуждает Р. Болд: «Следует сказать о том, что по окончании Первой мировой войны влияние США возросло, и на Версальской и Парижской конференциях Америка уже играла главную роль. После закрепления своих позиций в Европе у американцев появилась возможность усилить свои позиции на Дальнем Востоке и взять под контроль деятельность японцев в этом регионе. Да и японское правительство в мае 1919 г. приняло решение о направлении помощи Семенову лишь через правительство Колчака и ввело ограничение на участие японской армии в политике, что привело к ослаблению панмонгольского движения»³¹.

Вместе с тем, появление в Урге центра белого движения во главе с Унгерном, восстановление им независимого от Китая правительства Богдо-гэгэна, рост популярности (пусть и недолгой) «черного барона» среди монголов в очередной раз крайне обострили вопрос о государственном статусе Внешней Монголии и сформировали предпосылки для коренного перелома происходивших в ней и вокруг нее политических процессов. Именно необходимость борьбы с Унгерном в немалой степени привела к росту внимания советских властей к Монголии. Следствием этого стало появление мощных внешних сил, заинтересованных в дальнейшем развитии революционных событий в этой стране. Вместе с тем из использованных нами исторических исследований явствует, что в разворачивании нового витка монгольской революции в начале 1921 г. были заинтересованы не только названные выше внешние силы. В самой Монголии к этому времени сложились определенные политические группировки, которые выступали за национальное освобождение и основным средством достижения поставленных ими целей видели опору на Советскую Россию. Речь прежде всего идет о Монгольской народной партии.

³¹ Р. Болд, Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США-Россия-Китай, 1910-1973, с. 112.

Одним из следствий роста антикитайских настроений стало возникновение в 1919 г. нелегальных объединений представителей высших и средних слоев халхаского общества, провозгласивших своей задачей борьбу за национальное освобождение³². В Урге возникли два нелегальных самостоятельных революционных кружка: один - в конце 1919 г. - в центре города (в районе монастыря Дзунхурэ, отсюда его название "дзунхурэнский", что означает восточный монастырь), второй - несколько позже - на восточной окраине, в так называемом консульском поселке³³. В состав дзунхурэнского кружка входило немногим более десяти человек: *Сухэ-Батор*³⁴, Догсом, Дэндэв, Дугаржав, Галсан, Даши, Цэнд, Балсан, *Данзан*³⁵ и др. Одним из руководителей кружка был Сухэ-Батор, сумевший привлечь на свою сторону некоторых известных военных и политических деятелей периода автономии таких, как *Тогтох*³⁶, *Хатан-Батор*

³² С. К. Рошин. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.), с. 26.

³³ Б. Ширендыб. История Монгольской народной революции 1921 года, с. 120.

³⁴ *Сухэ-Батор Дамдины* родился 2 февраля 1893 г. в семье аратов, в хошуне Цэцэнханского аймака (ныне Сухэбаторский), вырос в Ургинском Маймачене. В 14 лет пошел в погонщики на станции коннопочтовой службы Урга – Мандал по тракту Кяхта – Урга. В 1908 г. перебрался в Ургу, где поступил в ученики к чиновнику зайсану Жамьяну. В 1912 г., в период формирования армии автономной Монголии, в возрасте 19 лет был направлен в военную школу, организованную русскими военными специалистами и предназначенную для подготовки командных кадров для войск Ургинского правительства. В 1918 г. за участие в боевых действиях против баргутов получил от Богдо-гэгэна почтенный титул «Батора» (богатыря). В 1919 г. оставил военную службу и перешел на работу в типографию, организованную Жамьяном для издания законодательных актов автономного правительства и печатания буддийских канонических книг. В 1920-1921 гг. выступил одним из организаторов Монгольской Народной партии. В 1921 г. назначен военным министром во Временном правительстве Внешней Монголии. В 1922 г. награжден советским орденом Красного Знамени. Умер в 1923 г. от болезни, простудившись в ходе инспекции воинских частей. В 1940 г. именем Сухэ-Батора назван поселок Цагаан Эрэг (ныне в – Селенгинском аймаке). В 1930 г. в Улан-Баторе установлен памятник Сухэ-Батору, а в 1945 г. учрежден орден его имени, до 1990 г. являвшийся главной государственной наградой в МНР.

³⁵ *Данзан Солийн* (1885-1924) - по происхождению арат, в годы монархии Богдо-гэгэна - чиновник министерства финансов. Организатор одного из подпольных кружков. Один из основателей Монгольской Народной партии и Монгольской Народной Республики. Председатель ЦК МНП с марта по сентябрь 1921 г., в 1921-1923 гг. – главком Монгольской народной армии. Глава монгольской правительственной делегации на переговорах в Москве в 1921 г. Репрессирован в 1924 г. Реабилитирован в 1992 г.

³⁶ *Тогтох Энхбилэгтийн, Тогтох-тайджи* (1863-1922) – деятель монгольского национально-освободительного движения, военачальник. Родился в семье невладетельного тайджи в Южногорлосском аймаке Южной Монголии. В 1907-1910 гг. организовал и возглавил монгольский партизанский отряд, нападавший на китайских чиновников, торговцев и крестьян-поселенцев во Внутренней Монголии. В 1910 г. отряд, преследуемый китайскими войсками, перешел на территорию Внешней Монголии, а Тогтох-тайджи, получивший тяжелое ранение, был переправлен в Россию. Российские власти отказали китайскому правительству в его выдаче, ссылаясь на то, что он – политический деятель, а не преступник. В 1911 г. Тогтох поступил на службу правительству Автономной Монголии. Назначен начальником личной гвардии Богдо-гэгэна с титулом Зоригтбаатар (отважный богатырь). В 1912-1919 гг. состоял чиновником военного министерства, воевал в составе внешнемонгольских войск, направленных во Внутреннюю Монголию для борьбы за ее независимость от Китая, был членом Малого государственного хурала. В 1921 г. примкнул к Монгольской Народной партии, участвовал в революционных событиях, служил на командных должностях в армии Временного правительства. В 1922 г. в числе прочих деятелей национально-освободительного движения обвинен в заговоре и расстрелян.

*Максаржав*³⁷. В состав второго кружка входили *Чойбалсан*³⁸, Бодо, Жигмиддорж, Шагдаржав, Намсарай, Алтангэрэл, О. Жамьян, Баву, Лосол, Вачир, Баяр. Г. Ф. Кунгуров и И. А. Сороковиков пишут об интересующих нас революционных кружках в своем историческом очерке: «Образование нелегальных кружков в Урге - это и ответ на китайскую оккупацию, и реакция на ухудшение условий жизни, и результат растущего влияния на Монголию революционных потрясений в России. Деятельность кружков с самого начала развертывалась в тесном контакте с российскими, придерживающимися левых, социал-демократических взглядов, гражданами, находившимися - по разным причинам - в Урге. Русская колония в городе насчитывала тогда до 3 тыс. человек»³⁹.

В начальный период деятельности оба кружка работали самостоятельно, иногда обсуждая важнейшие вопросы на совместных заседаниях. Британский историк О. Lattimore пишет о монгольских революционных кружках: «Хотя у двух секретных групп Сухэ-Батора и Чойбалсана были общие цели и идеология, работали они вместе, однако полного слияния они не достигли, поскольку не было единого центрального руководства, единого плана работы. Таким образом, чрезвычайно важно было, чтобы две группы срочно объединились и создали Монгольскую народно-революционную партию»⁴⁰. Инициатива о подобном

³⁷ *Хатан-Батор Максаржав* (1878-1927) - главнокомандующий войсками Внешней Монголии в период автономии. После объявления Монголией независимости в 1911 г. принимал активное участие в освобождении от китайских войск западных регионов страны. В конце 1919 г. указом Богдо-гэгэна Хатан-Батор Максаржаву за его неоднократные военные заслуги были отведены земли в хошунное владение. После ликвидации автономии, возглавил революционный кружок, члены которого пытались восстановить национальную армию. В 1920 г. вступил в МНП, вошел в ее политическое руководство. В 1921 г. (с февраля по март) – премьер министр Временного правительства Монголии. В 1922-1927 гг. – военный министр в правительствах Монголии и (с 1924 г.) Монгольской Народной Республики.

³⁸ *Хорлогийн Чойбалсан* родился 8 февраля 1895 г. в местности Хэрлэнгийн Цаган-Талбай (Керуленская долина), в бедной аратской семье в хошуне Сансрайдорж-бэйсэ Цэцэнханского аймака. В 13-летнем возрасте поступил послушником в буддийский монастырь. По достижении 17 лет покинул монастырь и отправился в Ургу. Работал носильщиком, сторожем. В 1913 г. поступил в ургинскую школу переводчиков при МИД Автономной Монголии. В 1914 г. в числе лучших учеников направлен для продолжения образования в Россию, в Иркутский учительский институт. В 1919 г. по возвращении в Монголию примкнул к национально-освободительному движению, стал членом МНП. С 1921 по 1939 г. выступил одним из основателей нового монгольского государства, занимал руководящие должности в его политических, административных и военных структурах. В 1939-1952 гг. – председатель Совета министров МНР, главком Монгольской Народной-революционной армии. Умер в 1952 г. В 1956 г. посмертно обвинен в создании культа собственной личности. Политическая деятельность Чойбалсана во многих аспектах была подвергнута критике, в частности за участие в массовых необоснованных репрессиях в 1928-1952 гг. Именем Чойбалсана назван административный центр Восточного аймака современной Монголии.

³⁹ Кунгуров Г. Ф. и Сороковиков И. А. Аратская революция, Кн. изд-во, Иркутск, с. 76.

⁴⁰ О. Lattimore. Nationalism and revolution in Mongolia, p. 133.

объединении исходила от членов «консульского» кружка. Монгольский историк Баабар пишет по этому поводу: «Историческая встреча двух объединившихся революционных группировок с целью создания Монгольской народной партии состоялась в юрте Данзана 25 июня 1920 г. Слияние двух революционных кружков, ставивших одни и те же цели, состоявшие в достижении независимости и в обеспечении развития страны, и объединивших в своих рядах монгольскую интеллигенцию того времени, стало в истории Монголии XX в. поворотным событием»⁴¹.

На объединенном заседании кружков на обсуждение был вынесен вопрос о необходимости разработки документа, гарантирующего соблюдение всеми членами вновь образованной политической организации партийной дисциплины и сохранения конспирации. Документ был оформлен и получил название «Присяга». В нем говорилось: «До сего времени в силу обстоятельств временно кружки не могли объединиться, действовали разрозненно. В целях предотвращения раздробленности партии все вступившие в ее ряды должны соблюдать твердую партийную дисциплину, совершенно секретно выполняя решения и постановления совещаний, не щадя жизни... работать честно, по-революционному». На заседании было принято решение об учреждении партийного печатного органа - газеты «Ардын нам» («Народная партия»)⁴². «Сам факт объединения кружков являлся важнейшим событием в революционном движении Монголии. Эта историческая встреча заложила основание МНРП и утвердила Программу Партии. На этой встрече также был обсужден вопрос по отбору некоторых членов партии в качестве делегатов с целью отправиться в Советскую Россию с просьбой о помощи»⁴³. С этого времени объединенные кружки начали действовать как единая политическая организация, часто выступая под названием «Народная партия», например, в таких документах как «Присяга»,

⁴¹ Баабар, История Монголии: от мирового господства до советского сателлита, с. 207.

⁴² Б. Ширендыб, История Монгольской народной революции 1921 года, с. 128.

⁴³ O. Lattimore, Nationalism and revolution in Mongolia, p. 134.

письма членов делегации, адресованные руководящим органам Советской России, обращения к населению.

Британский историк Ch. Bawden следующим образом описывает интересующие нас события: «Первый плодотворный контакт (участников монгольских нелегальных кружков. – Д.Т.) с Советской Россией произошел в начале 1920 года, когда секретный агент Коминтерна, И.А. Сороковиков, приехал в Ургу, где при посредничестве Кучеренко⁴⁴ вошел в контакт с Сухэ-Батором и с прочими «кружковцами». Сороковиков посоветовал им сразу после его отъезда без промедлений составить обращение, адресованное восточной секции Коминтерна. Также он пообещал проинструктировать Макстенека, советского представителя в Кяхте, о том, чтобы тот способствовал их (монгольских представителей - Д.Т.) переходу через границу. Этот совет был одобрен, и вскоре после этого, в июне 1920 г., две революционные группы объединились в Урге, и впервые назвали себя Монгольской народной партией»⁴⁵.

Между тем российские большевики начали готовиться к переговорам с Китаем об установлении дипломатических отношений, о КВЖД, о проекте торгового соглашения. Летом 1920 г. в Монголии стало известно о первых признаках советско-китайского сближения. Находившаяся в июле в Монголии на пути в Китай миссия ДВР под руководством И. Л. Юрина не имела контактов с монгольскими представителями и не собиралась поднимать монгольский вопрос на переговорах с китайской стороной⁴⁶. Для Монголии это означало реальную угрозу оказаться за бортом событий, определявших ее судьбу.

Описываемые нами события происходили на фоне развернувшегося в Китае массового антиимпериалистического движения, вошедшего в историю как «движение 4 мая 1919 г.». В политическом плане оно прежде всего было направленно против прояпонской аньфуистской группировки китайских милитаристов. Летом 1920 г. аньфуистская клика была свергнута. Ее место заняла

⁴⁴ Кучеренко Михаил Иванович – по профессии типографский наборщик, член партии левых эсеров, в 1914-1921 гг. проживал во Внешней Монголии. В 1917 г. – член революционного комитета русской колонии в Урге. В 1919 г. входил в состав подпольного ургинского большевистского ревкома.

⁴⁵ Ch. Bawden, *The modern history of Mongolia*, p. 209.

⁴⁶ История Монголии. XX век, с. 48.

так называемая чжилийская клика милитаристов, за спиной которой стояли Англия и США. В связи с поражением аньфуистов назначенный подконтрольным им правительством генерал-губернатором Внешней Монголии Сюй Шучжэн бежал из Урги в Пекин, где нашел убежище в стенах японского консульства. Но положение в Монголии не изменилось. Место Сюй Шучжэна занял ставленник чжилийской клики Чэн И⁴⁷.

В таких условиях для членов недавно образованной Монгольской народной партии вопрос об установлении контактов с влиятельными внешними силами, способными выступить альтернативной китайскому влиянию, обрел первостепенную актуальность. О подготовке представителей МНП к поездке в Россию пишет С. К. Рощин в своей книге «Монголын үндэсний баатар Д. Сүхбаатар»: «Была образована знаменитая семерка делегатов, оставивших глубокий след в истории страны и в летописи монголо-российских отношений: Д. Бодо, С. Данзан, Д. Догсом, Д. Лосол, Д. Сухэ-Батор, Д. Чагдаржав, Х. Чойбалсан. Делегаты отправились в Россию не все сразу, а по двое-трое, в целях конспирации и большей безопасности, пересечь охраняемую китайскими солдатами границу было не так просто. Первыми выехали Данзан и Чойбалсан, затем – Бодо, Чагдаржав, и последними – Сухэ-Батор, Догсом и Лосол»⁴⁸. 28 июня 1920 г. первая группа делегатов во главе с Чойбалсаном выехала из Урги в Советскую Россию. Эта часть делегации добралась до Верхнеудинска.

15 июля 1920 г. вслед за первой группой делегатов тайно покинула Ургу и отправилась на север вторая группа во главе с Сухэ-Батором. Делегатам необходимо было для перехода монгольско-русской границы и ведения переговоров формально иметь какие-либо полномочия от правительства Богдо-гэгэна. После неоднократных отказов Богдо-гэгэн все же подписал документ о наделении представителей МНП официальными полномочиями для ведения переговоров от имени монгольского государства с представителями Советской

⁴⁷ История советско-монгольских отношений // М.И. Гольман, Б. Ширендыб, Ш. Нацагдорж и др., Наука, М., 1981, с. 27.

⁴⁸ С. К. Рощин. Монголын үндэсний баатар Д. Сүхбаатар, Сэлэнгэ пресс компани, Улаанбаатар, 2011, х. 174.

России⁴⁹. С. К. Рощин пишет об этих событиях: «Добыть письмо от Богдо-гэгэна оказалось задачей не из простых. Было хорошо известно отрицательное отношение Богдо-гэгэна и его окружения к Советской России, к каким-либо контактам с ней, и партийцам пришлось использовать все каналы воздействия на позицию Богдо-гэгэна. Неоценимую помощь оказал *О. Жамьян*⁵⁰, у которого были хорошие связи во дворце. Благосклонно отнеслись к просьбе Жамьяна да-лама Пунцагдорж и некоторые другие влиятельные лица, долго убеждавшие Богдо-гэгэна поставить свою подпись под обращением к Советской России»⁵¹. Обращение, правда, было адресовано безлико – «Уполномоченному Российского правительства от князей и монахов Внешней Монголии», причем Богдо-гэгэн настоял на отправке аналогичных писем в США и Японию⁵².

Первые встречи монгольских делегатов с представителями советских властей состоялись в Троицкосавске. Там монгольских представителей принял уполномоченный *НКВД*⁵³ О. И. Макстенек. После обстоятельной беседы с монгольскими партийцами он оформил документы, позволившие им продолжить путь по территории Советской России, помог членам делегации уяснить обстановку и уточнил их дальнейший маршрут. Затем путь монгольских представителей пролегал через Верхнеудинск (с 1934 г. Улан-Удэ), центр близкой монголам Бурятии, в то время столицу *ДВР*.⁵⁴ Здесь состоялось знакомство членов делегации с Б. З. Шумяцким, авторитетным и влиятельным советским государственным и партийным деятелем, в то время председателем Совета Министров ДВР, секретарем Дальбюро ЦК РКП(б). Он сыграл важную роль в установлении контактов между советскими властями и монгольскими представителями и участвовал во всех последовавших событиях, связанных с

⁴⁹ История советско-монгольских отношений, с. 27.

⁵⁰ Ургинский чиновник, входил в состав второго революционного кружка наряду с Чойбалсаном, Бодо, Лосолом и т.д. Как пишет Б. Ширендыб, «Сухэ-Батор, когда в молодости попадает в Ургу, усердно изучает родной язык у грамотного чиновника *зайсана Жамьяна*» (Б. Ширендыб, «История монгольской народной революции 1921 г.», с. 130).

⁵¹ С. К. Рощин, Монголын ундэсний баатар Д. Сухбаатар, х. 175.

⁵² С. К. Рощин, Монголын ундэсний баатар Д. Сухбаатар, х. 175.

⁵³ *Народный комиссариат иностранных дел РСФСР*.

⁵⁴ *ДВР* - *Дальневосточная республика* (6 апреля 1920 – 15 ноября 1922 гг.) – де-юре независимое и демократическое государственное образование, провозглашенное на территории Забайкалья и российского Дальнего Востока. Де-факто, являлось «буферным» государством между Советской Россией и Японией.

российско-монгольскими отношениями в 1920-1921 гг. Как полагает С.К. Роцин, Шумяцкий с самого начала высоко оценил значение приезда монгольских представителей и для самой Монголии, и для перспектив российско-монгольских связей. Между ним и членами монгольской делегации состоялось несколько длительных бесед⁵⁵.

Вся "семерка" прибыла в Иркутск 16 августа, а 17-го была принята заместителем уполномоченного по иностранным делам в Сибири и на Дальнем Востоке, одним из советских руководителей в Иркутске, заведующим секцией народов Востока Сибирского бюро РКП(б) Ф. И. Гапоном⁵⁶. Было организовано совместное совещание, которое длилось несколько дней.

О прибытии монгольских делегатов в Россию и об их целях пишет коллектив авторов монографии "История Монголии. XX век": "Делегация приехала с целью провести переговоры с представителями советского правительства и Сиббюро ЦК РКП(б) об оказании Монголии помощи в восстановлении автономии - дипломатической, оружием и военными инструкторами. Привезенная делегатами грамота монгольских князей и лам, заверенная печатью Богдо-гэгэна, была призвана подчеркнуть официальный статус их миссии. Но в условиях начавшегося советско-китайского сближения этот документ показался большевикам неуместным. Делегация не имела шансов быть принятой в Иркутске официально (т.е. в соответствии с международным протоколом), так как у иркутян не было на это никаких полномочий. Москва также не была готова иметь с Монголией какие-либо официальные контакты. В результате в Иркутске получилась встреча не дипломатов, а революционеров"⁵⁷.

Но все же разногласия удалось уладить, и появился новый документ – «Заметки», написанный монгольскими представителями при помощи большевиков. Цель партийцев формулировалась следующим образом: "Независимо от князей и лам Внешней Монголии Народная партия ставит цель

⁵⁵ С. К. Роцин, Политическая история Монголии (1921-1940 гг.), с. 30.

⁵⁶ Там же, с. 30.

⁵⁷ История Монголии. XX век, с.47.

добиться расширения прав страны и восстановлении автономии в соответствии с «Тройственным соглашением»⁵⁸. Чтобы достичь этой цели, выдвигались следующие просьбы к правительству России: посредничество в переговорах с Китаем; на случай осложнений направить 24 тыс. вооруженных кавалеристов; предоставить заём⁵⁹.

На заседаниях монгольская делегация подчеркивала, что для нее главное - содействие России в восстановлении монгольской автономии, а возможные формы поддержки - дипломатическое содействие, помощь оружием, направление военных инструкторов, выделение кредита. Делегация заявила, что отказывается от обращения князей и лам и что имеет собственную программу действий. В ответ на предложение Ф. И. Гапона конкретизировать военную помощь, делегация запросила оружие для 10-тысячного войска, 200-300 пулеметов, 20-30 пушек. Возникал и вопрос о русских отрядах, правда не в масштабе "24 тыс.", а 2-3 тыс. человек, но монгольские делегаты заявили, что у них по данному пункту большие расхождения - нужны или не нужны русские бойцы в Монголии. Проблематичность ввода русских отрядов тогда, в августе 1920 г., была вполне очевидной, но вопрос, как видим, оставался⁶⁰.

Обе стороны были заинтересованы в благополучном исходе начавшихся переговоров и всячески демонстрировали расположение друг к другу. Все понимали, что хотя иркутские переговоры - промежуточные, предварительные, они важны для Москвы, для принятия окончательных решений. Главное заключалось в том, что в Россию приехали представители новых общественных сил Монголии, которые видели в России единственную гарантию осуществления своих целей и которые в то же время имели свои взгляды, представления, позиции и были готовы твердо их отстаивать⁶¹. Обсуждение всех вопросов на переговорах между монгольской делегацией и советскими представителями в Иркутске

⁵⁸ Имеется в виду *Кяхтинский договор* – тройственный договор, подписанный 25 мая 1915 г. в Кяхте представителями Монголии, России и Китая, в соответствии с которым Внешняя Монголия признавалась автономной частью Китая.

⁵⁹ Б. Ширендыб, *История Монгольской народной революции 1921г.*, с.138.

⁶⁰ С. К. Рошин, *Политическая история Монголии (1921 - 1940 гг.)*, с. 31.

⁶¹ Там же, с. 32.

проходило непросто, с подробным изложением каждой стороной своих мнений и предложений⁶².

26 августа 1920 г. Ф. И. Гапон направил информацию о встречах с монгольскими делегатами в Омск, председателю Сибирского Революционного комитета И. Н. Смирнову. Этот документ интересен во многих отношениях. В нем дается характеристика членов делегации (без упоминания имен), упоминается о том, что она неоднородна, что в ней - разногласия, что прослеживаются три направления: двое ориентируются на князей и лам, двое - на чиновничество, военных, торговцев, трое - на широкие массы. В связи с этим, на наш взгляд, интересна оценка А. С. Железнякова: "В этих условиях монгольская делегация оказалась перед выбором: вернуться ли на Родину ни с чем или попытаться разобраться в логике большевистского видения будущего Монголии. В спорах и столкновениях как внутри делегации, так и с советскими партнерами по переговорам, у отдельных "кружковцев" зрело убеждение в целесообразности сделать ставку на то, чтобы заинтересовать большевиков возможностью создания в Монголии своеобразной степной Коммуны"⁶³. В данном случае под проектом степной коммуны цитированный автор понимал большевистские идеи, адаптированные к основам жизни монгольского общества: синкретизм идей кочевой империи, великого Курултая, буддизма с догматами марксизма. Только такой ультралиберальный подход мог в то время в корне изменить позицию Советской России по монгольскому вопросу и побудить её к активным действиям в регионе, независимо от перспектив китайской революции. Подчеркивая свой радикализм, монгольская миссия объективно получала возможность влиять на общую схему формирования новых международных отношений на Дальнем Востоке и на характер будущих соглашений Советской России с Китаем.

По оценке Л. Б. Жабаровой, "В деятельности Коминтерна в Монголии прослеживается два основных направления. Во внешнеполитическом плане ...

⁶² Там же, с. 32.

⁶³ А. С. Железняков, Рождение монгольского коммунизма: 1920 год, Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, М., 2000, с. 49-50.

большевистские руководители рассматривали Монголию, как вполне конкретный плацдарм продвижения революции вглубь Азии, как перевалочную базу снабжения китайских революционеров. Во внутреннем плане проводилась линия на упрочнение позиций ВКП(б) Коминтерна и Советов, на преодоление упорного противодействия и даже противоборства со стороны правительства Внешней Монголии, выступавших за самобытный путь развития республики..."⁶⁴.

После иркутских переговоров монгольская делегация разделилась на три части: Данзан, Лосол и Чагдаржав направились в Омск и далее - в Москву, Сухэ-Батор и Чойбалсан остались в Иркутске, Бодо и Догсом вернулись в Монголию. Данзан и Чагдаржав (Лосол вернулся в Иркутск с полпути, то ли из-за продолжавшихся споров, то ли из-за болезни) в середине сентября добрались до Москвы. С ними было письмо правительству Советской России от Народной партии, составленное с учетом упомянутых выше "Заметок" и прошедших переговоров в Иркутске и датированное 29 августа 1920 г. Приведем выдержки из письма: "Мы, члены Народной партии, от имени своей партии обращаемся к Великой России с просьбой о помощи. Мы... стремимся восстановить автономию Монголии и провозгласить хутухту Богдо ограниченным монархом. Затем мы хотим провести соответствующие мероприятия по ограничению наследственных прав князей. Добившись независимости страны, мы, используя опыт других стран, развернем борьбу за права и интересы своего народа. Рост национального самосознания аратства позволит нам через год-другой двинуть революцию дальше, с тем, чтобы окончательно ликвидировать права владетельных князей"⁶⁵. Цитированный текст письма содержит в себе ряд очевидных смысловых противоречий. Прежде всего бросается в глаза несоответствие между стремлением его авторов к восстановлению теократической государственности и их планами скорой ликвидации привилегий традиционной монгольской общественной верхушки. Отмеченное обстоятельство говорит прежде всего о том,

⁶⁴ Л. Б. Жабаева, Элбэк-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов, ВСГТУ, Улан-Удэ, 2001, с. 272-273.

⁶⁵ С. К. Рощин, Политическая история Монголии (1921 - 1940 гг.), с. 33.

что взгляды монгольских представителей на перспективы развития собственной страны и на возможности сотрудничества с Россией были весьма не последовательными. Также можно предположить, что советская сторона, которая ставила корректировку первоначальных «национально-освободительных» позиций монгольских делегатов в направлении их «революционизирования» в зависимости от перспектив переговоров о помощи, безусловно, оказала влияние на эволюцию политических позиций монгольских представителей.

В рассматриваемом документе обращает на себя чересчур общая и неопределенная постановка вопроса о помощи, которую Советская Россия, по мнению монгольских делегатов, могла бы оказать их стране. Видимо, предполагалось, что конкретные формы решение этого вопроса обретет в Москве. Так, очевидно, и произошло. Данзан и Чагдаржав имели ряд встреч в правительстве РСФСР, в Исполкоме Коминтерна (ИККИ). Состоялись, в частности, их беседы с наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным, его заместителем Л. М. Караханом, с начальником Генерального штаба Красной Армии С. С. Каменевым и др. В «Полном собрании сочинений» В. И. Ленина описана его встреча с монгольской делегацией: «Тов. Ленин сказал, что единственно правильным путем для всякого трудящегося вашей страны (Монголии - Д.Т.) является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России. Эту борьбу изолированно вести нельзя, поэтому создание партии монгольских аратов является условием успешности их борьбы»⁶⁶. Следует обратить внимание на то, что высказанные Лениным рекомендации лежат в одном русле с позицией, которую заняли советские представители на предварительных переговорах с монгольскими делегатами, происходивших в Иркутске.

В итоге переговоров, происходивших между официальными представителями советского правительства и членами монгольской делегации, были достигнуты определенные договоренности. Советская сторона дала партнерам по переговорам

⁶⁶ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 44, Изд-во полит. лит., М., 1970, с. 232.

заверения о том, что партия, которую они представляют, получит всестороннюю (в том числе и военную) помощь и поддержку. Обещания помощи были даны по многим линиям: укрепление контактов, посредничество в отношениях с Китаем, помощь оружием, поддержка в борьбе с русскими белогвардейцами и др. Сохранился список обещанного монгольской делегации Л. М. Караханом: оружие на 3 тыс. бойцов, гранаты - 10 тыс., 4 пулеметов, 4 пушки, 4 автомобиля, 1 бронемашина, 2 аэроплана, а также 300 тыс. лан серебром⁶⁷. При этом следует заметить, что заверения, полученные представителями МНП от советских властей, не содержали никаких определенных гарантий признания независимости Монгольского государства со стороны РСФСР.

Следует подчеркнуть, что с приездом "семерки" в Россию и особенно после переговоров в Москве связи соответствующих организаций в РСФСР и ДВР с монгольскими партийцами заметно активизировались и стали приобретать постоянный характер. Контакты стали осуществляться по нескольким линиям: структуры Коминтерна, РКП(б), государственные органы РСФСР и ДВР. Впрочем, это деление было условно: функции их часто смешивались, переплетались, дополнялись. Организационные формы политических структур, действовавших в системе власти в РСФСР, и в 1920 г. и позже неоднократно менялись. Сначала при Сибирской миссии НКВД действовало Азиатское бюро, которое занималось, в частности, связями с революционными организациями дальневосточного региона, в т.ч. Монголии. Затем эти функции перешли к Сибирскому бюро ЦК РКП(б), в котором с июля 1920 г. имелась секция восточных народов с монголо-тибетским отделом (заведующий - С. С. Борисов). А вскоре (в январе 1921 г.) на базе секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) был создан Дальневосточный секретариат Коминтерна с монголо-тибетской секцией (заведующий - Э.-Д Ринчино). Формы - разные, но тенденция вполне определилась - углубление взаимоотношений, усиление советского влияния⁶⁸.

⁶⁷ С. К. Рошин, Политическая история Монголии (1921 - 1940 гг.), с. 34.

⁶⁸ Там же, с. 34.

10 февраля 1921 г. Дальневосточный секретариат Исполкома Коминтерна постановил: "Захват Унгерном Монголии создаёт угрозу потери Коминтерном и Советской Россией их революционной базы..., Японией создаётся чёрный буфер из Приморской области с Семеновым, Маньчжурии с генералом Чжан Цзолинем, Монголии с бароном Унгерном... боевой задачей Коминтерна и Советской России является разрушение этого буфера, по крайней мере, его монгольского звена"⁶⁹. По мнению Л. Б. Жабаевой, "после того как барон захватил Ургу и изгнал оттуда китайцев, задача Коминтерна с политической точки зрения изменилась, стала значительно проще. На первый план выдвигается борьба с Унгерном и делу освобождения Монголии был придан характер ликвидации "классового врага" и вместе с тем уничтожения опасного для сибирских границ плацдарма в Монголии"⁷⁰. Нужно сказать, что Внешняя Монголия большевикам также была нужна как база, опираясь на которую они могли воздействовать и на Северный Китай, и на Маньчжурию, и на Синьцзян. Словом, Халха была тем мостиком, по которому Коминтерн мог беспрепятственно шествовать на Дальний Восток, не исключая и Тибета с Синьцзяном⁷¹. Вполне естественно, что для решения столь масштабных задач советским властям необходимо было использовать весь арсенал имевшихся у них средств. К числу таких средств безусловно относилось и создание в Монголии политической ситуации, максимально благоприятствовавшей продвижению советских интересов. Об этом свидетельствует то, что большевистское правительство в Москве и руководство Коминтерна в конце 1920 – начале 1921 г. заметно активизировали усилия по привлечению на свою сторону тех монгольских общественных сил, которые внутри собственной страны потенциально могли стать проводниками советского влияния. Интересующие нас события освещены во многих из использованных нами исторических исследований. Автор одного из них D. Sneath, в частности, пишет: «Тем временем (в конце августа 1920 г. – Д.Т.) в Москве Данзан и

⁶⁹ С. Г. Лузянин, Монголия: между Китаем и Советской Россией, с. 72.

⁷⁰ Л. Б. Жабаева, Становление российско-монгольского сотрудничества в военной области, с. 94.

⁷¹ Д. П. Першин, Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак, Агни, Самара, 1999, с. 130.

Чагдаржав получили не только гарантии военной помощи, но и столько оружия, сколько им было нужно. Чойбалсан считал, что монгольские делегаты сильно преувеличили число членов партии в своих переговорах с Советской Россией для того, чтобы произвести на них впечатление и добиться скорейшего развития своей миссии. Тем не менее, времени совсем не было. Делегаты вернулись в Кяхту в середине ноября и Сухэ-Батор с Чойбалсаном стали привлекать на свою сторону монгольских князей и вербовать добровольцев»⁷².

Монгольские партийцы имели все основания более решительно приняться за работу, заручившись поддержкой Москвы. Ближайшие их цели, в соответствии с полученными в Москве рекомендациями, состояли в организации партизанских отрядов и в проведении выборов делегатов на I съезд МНР. Советские и монгольские историки, писавшие свои работы в 50-е – 80-е гг. прошлого века, в интересующем нас контексте главным образом обращают внимание на деятельность двух лидеров революционного движения - Сухэ-Батора и Чойбалсана. В частности, Б. Ширендыб писал о том, что Сухэ-Батор организовал в трех караулах, находившихся к востоку от Кяхты, партизанский отряд численностью в 50 человек. Чойбалсан в хошуне Сумья-бэйсэ организовал партизанский отряд и проводил подготовку к I съезду.⁷³ 14 января 1921 г. Сухэ-Батор назначил партизана Пунцука командиром полка, партизана Дамдинсурэна командиром пулеметного отделения⁷⁴. Партизанские отряды вступали в столкновения с отдельными разрозненными группами китайских милитаристов. 15 января 1921 г. отряд Сухэ-Батора в районе Кяхты, в местности Манхан-элес и затем у озера Хув-гилан-нур вступил в бой с отрядами милитаристов, вытесняя их из занимаемой местности⁷⁵. Так начали создаваться вооруженные партизанские отряды, из которых и выросла Народная армия. О других монгольских революционерах Б. Ширендыб упомянул лишь вскользь, указав на то, что они

⁷² D. Sneath, The History of Mongolia, p. 921.

⁷³ Б. Ширендыб, Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 43.

⁷⁴ Там же, с. 44.

⁷⁵ Там же, с. 44.

проводили работу, аналогичную деятельности Сухэ-Батора и Чойбалсана⁷⁶. Такие акценты в работе монгольского историка, вероятно, следует объяснять с учетом сложностей политической биографии, характерных для последующего жизненного пути подавляющего большинства из организаторов МНП, о чем будет подробно сказано в следующей главе.

Вместе с тем понятно, что в конце 1920 – начале 1921 г. помощь монгольским революционерам в создании вооруженных отрядов и в организации политической партии была весьма существенным элементом политики советских властей в «монгольском вопросе». В доме представителя НКВД О. И. Макстенека в Троицкосавске образовался своего рода центр связи между монгольскими революционерами и советскими и коминтерновскими органами. Здесь часто бывали и С. С. Борисов, и Э. Ринчино, и Ц. Жамцарано, и многие другие руководящие работники и рядовые члены МНП. Именно здесь проходили все основные совещания МНП по развертыванию политической работы, организации партизанских отрядов и т.д.⁷⁷ Здесь же состоялось и совещание 1-3 марта 1921 г., которое позже, в 1924 г. было объявлено I Учредительным съездом МНП. Съезд был немногочисленным: 17 участников - 1 марта, 19 - 2 марта, 26 - 3 марта, включая нескольких делегатов из Бурятии. Их голосами был избран Центральный Комитет (С. Данзан, Ц. Дамбадорж, Д. Лосол, первым председателем ЦК стал С. Данзан) и утверждена партийная платформа – политический программный документ под названием "10 принципов"⁷⁸. Основным автором платформы был Ц. Жамцарано, видный деятель бурятского и монгольского освободительного движения, деятельность которого в 1920-е гг. выступала одним из важнейших начал, связывающих монгольских революционеров с Советской Россией. Существенно при этом, что в интересующий нас период в Коминтерне Жамцарано был известен как поборник государственного объединения монгольских народов, которое он считал условием их будущего прогрессивного

⁷⁶ Там же, с.43.

⁷⁷ С. К. Роцин, Политическая история Монголии (1921-1940 гг.), с. 35.

⁷⁸ С. К. Роцин, Политическая история Монголии (1921-1940 гг.), с. 35.

развития. Сходных убеждений, как уже говорилось, придерживалось и большинство вступивших в МПН монголов. Вполне естественной в связи с этим выглядит следующая формулировка программных целей этой партии, включенная в «10 принципов»: «Партия, в конечном итоге, ставя своей целью объединение всех монгольских племен в одно государственное целое, в настоящем стремится к освобождению Монголии из-под реакционной власти Китая и других реакционеров, вторгнувшихся в Монголию»⁷⁹. Съезд также избрал Центральное бюро партии, в которое вошли: Данзан в качестве председателя, Дамба – секретаря и ряд других деятелей монгольского национально-революционного движения⁸⁰. Из сказанного очевидно, что руководящие органы и программные документы Монгольской Народной партии с самого начала формирования этой политической организации копировали советские образцы и создавались с участием представителей Коминтерна и ДВР. Вместе с тем стратегические цели, которые ставила перед собой МНП, во многом совпадали с традиционным стремлением подавляющего большинства монголов к суверенитету и независимости.

13 марта 1921 г. революционные монгольские организации в Кяхте объявили о создании Временного Народного Революционного правительства Монголии. На съезде представителей этих организаций председателем Совета Министров был избран Чагдаржав, военным министром и главнокомандующим монгольскими войсками – Сухэ-Батор, министром финансов – Лосол, министром юстиции и внутренних дел – Белик-Сайхан⁸¹. Очевидно, что на момент создания это правительство вряд ли имело сколько-нибудь широкую известность в самой Монголии, тем более, что находилось оно за ее пределами. Но более существенное обстоятельство состоит в том, что ВНРП уже тогда отнюдь не было представителем интересов лишь узкого круга входивших в него деятелей национально-революционного движения. За Временным Народным

⁷⁹О. Батсайхан, Монгол ундэстэн бурэн эрхт улс болох замд (1911-1946), х. 189.

⁸⁰ А. Каллиников, Народно-революционное движение в Монголии, с. 46.

⁸¹ Дайчин нохорлол (Боевое содружество), Улсын хэвлэлийн газар, Улаанбаатар, 1985, х. 26.

Революционным правительством стояла Советская Россия, обладавшая в то время военными и политическими возможностями, достаточными для того, чтобы ее участие в решении «вопроса о Монголии» коренным образом изменило ситуацию в этой стране.

С.Г. Лузянин по интересующему нас поводу пишет: "Монгольская революция 1921 г. совместила в себе два противоречивых явления: во-первых, традиционное стремление монголов к суверенитету и независимости на основе идей панмонголизма и антикитайских лозунгов национально-освободительного движения 1911-1912 гг., во-вторых, внешнее влияние Советской России и Коминтерна, видевших в Монголии важный объект революционной политики в общем стратегии мировой революции на Востоке"⁸². Вполне закономерно в связи с этим, что подготовка революции, её проведение, ломка прежнего политического устройства и замена его новым происходили под контролем Коминтерна и при непосредственном участии со стороны Советской России.

Сообщение о провозглашении независимости Монголии и призывы ее нового правительства к установлению равноправных отношений со всеми заинтересованными в таких отношениях государствами не нашли положительного отклика в мире. Ни Китай, ни Япония, ни западные страны не намеревались признать новое монгольское правительство. Более того, китайские милитаристы явно готовили карательные акции, осуществлению которых мешали нестабильность внутреннего положения в самом Китае и присутствие в Монголии советских войск. Единственным исключением явилась Советская Россия – страна, благодаря военной и политической поддержке которой в Урге была восстановлена власть независимого от Китая правительства. Вполне естественно, что для этого правительства жизненной необходимостью стало сохранение связей с Советской Россией. Перспектива развития и укрепления таких связей определила историю Внешней Монголии на последующие 70 лет.

⁸² С. Г. Лузянин, Монголия: между Китаем и Советской Россией, с. 73.

Глава 2

Изменения в государственном строе и внутривластическом положении Внешней Монголии в 1921-1922 гг.

Внутреннее положение во Внешней Монголии в начале 1921 г. оставалась крайне сложным. Фактическим правителем в Урге по-прежнему был Унгерн. Парадокс сложившегося положения дел состоял в том, что у Унгерна и Красной армии оказался один и тот же противник - китайские войска. В Кяхтинском Маймачене скопилась большая масса китайцев - солдат из местного гарнизона и тех, кто добрался из Урги, ополченцев, беженцев⁸³. Их было свыше 10 тыс. человек, но они были деморализованы. 18 марта регулярные советские войска перешли монгольскую границу и заняли Маймачен. Поддержку им оказывали русские и бурятские красные партизаны и немногочисленные монгольские отряды, выступавшие на стороне Временного Народного правительства. Китайцы устремились на юг в надежде выбить Унгерна из Урги. Затем произошли два крупных сражения между объединенными силами Унгерна и присоединившимися к нему монголами, с одной стороны, и китайскими соединениями, с другой⁸⁴. Одно из них развернулось близ Урги, на Улясутайском тракте, другое - в районе Чойрин-сумэ, близ китайской границы⁸⁵. В обеих битвах победил Унгерн со своими союзниками.

Далее этот деятель белого движения решил, что сложное положение, в котором его войска, несмотря на победы над китайцами, продолжали оставаться в Монголии, может поправить успешная военная операция на севере, в Забайкалье на территории Советской России. Последующие события показали, что Унгерн, формулируя подобные планы, оказался не в состоянии объективно оценить военно-политическую ситуацию, сложившуюся на тот момент в Забайкалье и во Внешней Монголии. Причем допущенные им в данном случае просчеты оказались трагическими для возглавляемой им армии. Авторы коллективной

⁸³ История Монголии. XX век, с. 61.

⁸⁴ Christopher P. Atwood, Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire, p. 473.

⁸⁵ Ширендыб Б. История монгольской народной революции 1921 г. с.216.

монографии «История Монголии. XX век» в связи с этим писали: «Во-первых, отпор со стороны частей Красной армии был сокрушительным. Во-вторых, и это очень важно, своим северным походом (начавшимся 20 мая) Унгерн предоставил Советской России отличный предлог для ввода советских войск в Монголию, что привело к его полному разгрому и явилось для монгольских революционеров решающей поддержкой»⁸⁶.

Анализируя приведенные суждения, следует заметить, что некоторые из них нуждаются в уточнении. Очевидно, что решение о вводе войск Красной армии в Монголию было принято еще до вторжения Унгерна на советскую территорию. Временное Народное правительство (ВНП) обратилось к правительству РСФСР с просьбой об оказании военной помощи для борьбы с белогвардейцами 16 марта, т.е. за два месяца до того, как отряды «черного барона» пересекли границу. Вторично эта просьба была официально подтверждена обращением ВНП к правительству РСФСР от 10 апреля 1921 г.⁸⁷ Тем самым был создан формальный повод к тому, чтобы Политбюро ЦК РКП(б) приняло политическое решение о вводе советских войск во Внешнюю Монголию. При этом официальными мотивировками такого решения являлись, во-первых, ответ на просьбу правительства Монголии и, во-вторых, бои, развернувшиеся в районе монгольской границы. Вероятно, в последнем случае имелись в виду описанные выше мартовские события вокруг Маймачена.

Что касается целей, поставленных Политбюро ЦК РКП(б) перед направленным в Монголию соединением Красной армии, то они состояли в том, чтобы «оказать военную помощь монгольскому народу для ликвидации Унгерна» на территории этой страны⁸⁸. При этом советское командование задолго до описываемых событий, еще в январе 1921 г. приступило к формированию особого экспедиционного корпуса во главе с комдивом К.А. Нейманом (около 10 тыс. бойцов). На корпус возлагалась задача - во взаимодействии с монгольскими

⁸⁶ История Монголии. XX век, с. 63.

⁸⁷ Советско-монгольские отношения 1921-1974, Сборник документов, т. 2, Международные отношения, М., 1979, с. 473.

⁸⁸ Ширендыб Б. История монгольской народной революции 1921 г., с. 252.

войсками осуществить разгром Унгерна. 27 июня, после успешных операций вдоль границы, советские и монгольские войска начали широкое наступление в направлении Урги. Передовые части уже 6 июля вошли в город. Нет сомнений в том, что этот успех был прежде всего обеспечен действиями регулярных войск Красной армии. Поддерживавшие МНП малочисленные монгольские отряды при этом играли вспомогательную роль. Американский историк М. Россابي пишет об интересующих нас событиях: «Враждебность, которую вызвал барон Унгерн своей жестокой политикой, побудила малочисленные группы патриотов с различными политическими взглядами добиться помощи от большевистских лидеров, которые с успехом взяли власть в России. Получив данную помощь, они свергли и убили барона Унгерна. К июлю 1921 г. Монголия под опекой большевиков стала вторым коммунистическим государством в мировой истории»⁸⁹.

Такой же позиции придерживается и Д. Снит, в своей книге «The History of Mongolia»: «27 июня 1921 г. Советская армия пересекла границу с Внешней Монголией, что привело монгольскую революцию к быстрой победе. Данные события предопределили появление широко принятого мнения о том, что советское вмешательство было прямым вторжением во Внешнюю Монголию. Согласно этой точке зрения, адресованная советской стороне просьба Монгольской Народной партии о поддержке, была вызвана инициативой, исходившей от самой же России. А захват Урги (Улан-Батора) бароном Унгерном интерпретируется как простой предлог для советского вторжения, поскольку Унгерн не представлял собой существенной угрозы для советского режима»⁹⁰.

Об описанных выше событиях также повествует монгольский историк Б. Ширендыб: «5 июля из Урги бежали последние унгерновцы на юго-восток страны и затем ушли в Маньчжурию. Находясь в безнадежном положении, Унгерн рекомендовал Богдо-гэгэну переехать вместе со своим правительством в Улясутай для организации наступления против революции. Однако Богдо-гэгэн не мог

⁸⁹ M. Rossabi, *From Yuan to Modern China and Mongolia*, p. 466.

⁹⁰ David Sneath, *The History of Mongolia*, p. 910.

последовать этому совету Унгерна, так как в районах Улясутая и Кобдо народ поднимался на борьбу против Унгерна и против всех, кто сотрудничал с ним, а части Красной армии вместе с монгольскими отрядами подходили к Урге. Ургинскому правительству пришлось сделать вид, что оно решило поддерживать наступающие части советско-монгольской армии. Авангард советско-монгольских войск вступил в Ургу 6 июля 1921 г., заняв телеграф и телефон, а остальные части – 7 июля. ЦК Народной партии и Временное Народное правительство переехали в Ургу 8 июля»⁹¹.

Было бы ошибочно утверждать, что только лишь необходимость борьбы с очагом белого движения обусловила рост внимания советских властей к Монголии. Следствием вторжения Унгерна на территорию Монголии стало появление мощных сил в России, заинтересованных в дальнейшем развитии революционных событий в этой стране. Советская Россия теперь могла ориентировать свою политику в отношении Монголии на уничтожение своего врага на чужой территории, тем самым расширяя революционный плацдарм на Востоке. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Советская Россия действительно имела собственные политические цели в Монголии, в том числе была заинтересована в перенесении революционных событий, включая и гражданскую войну, на монгольскую территорию.

8 июля 1921 г. Временное правительство и ЦК Народной партии вынесли решение о создании постоянного Народного правительства. 9 июля состоялось совместное заседание ВВП и ЦК МНП, принявшие постановление, в котором говорилось: «Провозглашая Богдо-гэгэна ханом Монгольского государства, где существует конституционная монархия, образовать революционную власть народа и передать печать и дела министерств новому правительству... Наша Народная партия, руководствуясь разумными соображениями, прежде всего добивается, чтобы народные массы монгольской нации стали хозяевами своих земель и вод, чтобы все жизненные вопросы решались согласованно и

⁹¹ Ширендыб Б., Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 64-65.

справедливо; партия полна желаний указать людям широкий путь к прогрессу и процветанию...уважая права и свободу народа, решили ограничить власть главы государства и преобразовать Временное Народное правительство в постоянно действующее Народное правительство... с возложением на него соответствующих функций»⁹².

Согласно С.Л. Кузьмину, суть происходивших во Внешней Монголии событий состояла в следующем: «10 июля 1921 г. ЦК МНП вынес решение об образовании Центрального Народного правительства и провозглашении Богдо-гэгэна ограниченным монархом. Состав правительства был следующим: Бодо (премьер-министр и министр иностранных дел), Сухэ-Батор (военный министр), Данзан (министр финансов), да-лама Пунцагдорж (министр внутренних дел), бэйсэ Максаржав (министр юстиции). Монархическому правительству предписали сдать все дела и печати всех министерств к 12 часам дня 10 июля и сложить полномочия. Это было исполнено с санкции Богдо-гэгэна. С его санкции был также опубликован указ о борьбе против Унгерна и других белых. Это произошло в тот самый день, когда монархическое правительство сложило с себя власть»⁹³. 11 июля 1921 г. во дворце состоялась церемония возведения Богдо-гэгэна на престол ограниченного монарха, вслед за которой на площади собрали митинг.

Свое мнение по данному вопросу высказывает монгольский историк Б. Лхамсурэн: «В результате завоевания государственной власти с неограниченной монархией в Монголии было покончено. Однако, учитывая авторитет Богдо-гэгэна и влияния религии на народ, а также напряженное внешнеполитическое положение страны, Монгольская Народная партия пошла на учреждение государственной власти в специфической форме ограниченной монархии»⁹⁴. С этими суждениями нельзя не согласиться. Особая роль, которую буддизм играл в общественной жизни Монголии в начале 1920-х гг., исключала для новых властей

⁹² Дайчин нохорлол (Боевое содружество), х. 41.

⁹³ С. Л. Кузьмин, Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX в., с. 236.

⁹⁴ Б. Лхамсурэн, Очерки истории Монгольской народно-революционной партии, с. 60.

иную возможность государственного строительства, кроме той, что предусматривала, по крайней мере, юридическое сохранение традиционного статуса Богдо-гэгэна как теократического монарха.

12 июля Народное правительство обратилось к правительству РСФСР с просьбой не выводить части Красной Армии из пределов Монголии до окончательной ликвидации угрозы со стороны остатков белогвардейских войск. 10 августа Советское правительство ответило на это согласием⁹⁵. Впрочем, к сентябрю 1921 г. присутствие советского корпуса на территории Монголии уже не вызывалось военной необходимостью. В конце августа 1921 г. Особый экспедиционный корпус Красной Армии окончательно уничтожил остатки белогвардейцев. Барон Унгерн при этом был взят в плен. С.Л. Кузьмин пишет в своей книге о том, что в источниках и научной литературе существует несколько версий пленения Унгерна. По одной версии, его схватил отряд Красной Армии, по другой – монголы, которые прежде были на его стороне. *Есть даже версия о том, что его пленили китайцы*⁹⁶. Остатки Азиатской дивизии после того, как она лишилась своего командира, с небольшими потерями ушли в Маньчжурию⁹⁷. Вскоре вслед за этим советский корпус был расформирован 14 сентября и отправлен на родину. В Монголии по просьбе Народного правительства до 1925 г. остался лишь один стрелковый полк⁹⁸.

1 ноября 1921 г. в Урге был опубликован текст «Клятвенного договора» между Народным правительством и Богдо-гэгэном, основные пункты которого гласили:

«1. Богдо-хан Монгольского государства Джебцзун-Дамба-хутухта, являющийся священным главой желтой религии, не должен касаться дел государственных, в отношении же всех дел религиозных пользуется неограниченными правами.

⁹⁵ Советско-монгольские отношения. 1921-1974, т. 1, с.47.

⁹⁶ В дивизионе Сундуйя (командующего монгольскими частями унгерновской армии) могли быть чахары. Это племя частично китаизировано, как и другие внутренние монголы. Нельзя исключать и наличия китайцев среди красных партизан.

⁹⁷ Veronika Veit, Von der Autonomie zur Revolution und Volksrepublik: Qalqa 1911 bis 1924, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, 1986, s. 502.

⁹⁸ С. К. Рошин, Монголын үндэсний баатар Д. Сүхбаатар, х. 82.

2. Богдо-Джебцзун-Дамба-хутухта, будучи ханом Монгольского Народного государства, в котором существует образ правления конституционной монархии, отправляет всякого рода государственные дела через посредство председателя Народного правительства...

3. Законодательные акты, издаваемые по инициативе правительства для укрепления и улучшения основ Монгольского Народного государства, а также ради народного блага, могут быть приведены в исполнение только после доклада богдо-хану. Такие законы не могут быть ни отвергнуты, ни аннулированы богдо-ханом. Законодательные предположения другого характера могут быть при докладе возвращены богдо-ханом для вторичного обсуждения, однако, не более одного раза...

4. В случае государственного переворота или возникновения внутренней смуты, правительство может, отступая от положения мирного времени, самостоятельно, не докладывая богдо-хану, принимать важные меры или издавать законы...»⁹⁹.

С точки зрения советского историка И. Я. Златкина, подписание «Клятвенного договора» явилось крупнейшим успехом внутренней политики нового монгольского государства¹⁰⁰. Современный российский исследователь С. Л. Кузьмин, напротив, высказывает мнение о том, что это был не договор, предполагающий участие обеих сторон, а односторонний документ о правилах, установленных новым правительством. Свое мнение этот автор аргументирует тем, что до сих пор не обнаружены доказательства одобрения Богдо-гэгэном текста договора. Вместе с тем хутухта и его окружение во многом самостоятельно решили принять над собой власть нового правительства. Авторитет Богдо-гэгэна среди монголов был столь высок, что не уделить этому обстоятельству должного внимания не могли ни монгольские власти, ни их российские политические советники. Еще до взятия Нийслэл-хурэ (сейчас, Улан-Батор) ЦК РКП(б) издал

⁹⁹ И. Я. Златкин, Очерки новой и новейшей истории Монголии, с. 175.

¹⁰⁰ Там же.

заранее подготовленную директиву, согласно которой Богдо-гэгэн мог номинально сохранить свой пост после революции¹⁰¹.

Надо сказать, что при провозглашении Богдо-гэгэна конституционным монархом 10 июля 1921 г., его права и взаимоотношения с правительством не были определены. Так как вопрос был серьезным, на его решение потребовалось несколько месяцев. Богдо-гэгэн и его окружение понимали, что реальная власть отныне принадлежит новому правительству. Но Джебдзун Дамба-хутухта, будучи неограниченным владыкой в сфере религии и являясь в то же время ханом Монгольского государства, не мог не претендовать на определенное место и в светской жизни¹⁰². Это обстоятельство было отражено в приведенных выше пунктах «Клятвенного договора». Этот юридический акт, в частности, предусматривал для правительства обязанность уведомлять Богдо-гэгэна о важнейших государственных мероприятиях, о принятых законах и о назначениях высших должностных лиц. Вместе с тем нельзя не заметить, что хутухта обладал лишь ритуальными и представительскими полномочиями, которые подчеркивали его статус номинального главы государства, не обладавшего действительной властью.

Тем временем, в Монголии началась борьба между старыми и новыми общественными силами. Эта борьба развертывалась на весьма своеобразном фоне, который, по мнению С.К. Рощина, характеризовался общим стремлением монголов к национальному единству, согласию во имя возрождения монгольской государственности¹⁰³. Полного мира, в Монголии при этом, разумеется, не было. Достаточно привести в пример антиправительственное выступление в конце 1921 г. группы лам во главе с Саджа-ламой, приближенным Богдо-гэгэна. Это антиправительственное выступление называют также «тибетский мятеж», который был направлен на восстановление традиционной теократической системы монгольской государственности и на возвращение властных полномочий

¹⁰¹ С. Л. Кузьмин, Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века, с. 231.

¹⁰² С. К. Рощин, Монголын үндэсний баатар Д. Сүхбаатар, х. 82-83.

¹⁰³ Рощин, Политическая история Монголии, с. 96.

Богдо-гэгэну. Тибетец Саджа-лама Джамьянданзан, который, по словам С.Л. Кузьмина, был приближенным Джебдзун Дамба-хутухты и служил в монастыре Гандан, решил собрать солдат – выходцев из Тибета, и свергнуть власть МНП. Саджа-лама утверждал, что «подготовленных солдат нет, но есть 300 тибетцев, у каждого 2-3 ружья, по 200-300 патронов, они всегда готовы захватить и расстрелять министров Народной партии»¹⁰⁴. Также мятежники собирались ликвидировать ревсомол. Заговорщики собирались выступить 21 ноября 1921 г., но заговор был раскрыт раньше¹⁰⁵.

Богдо-гэгэн покровительствовал арестованным и пытался освободить их. Несмотря на это, 16 ноября 1921 г. 8-й пленум ЦК МНП постановил передать дело Саджа-ламы в военное министерство для рассмотрения с допросом. 23 января 1922 г. 20-й пленум ЦК МНП постановил, что такие тибетцы, как Саджа-лама, которые выступают против государства, должны быть депортированы, их дома и дворы – конфискованы. Это было сравнительно мягкое наказание по сравнению с теми, которые в те годы применялись к контрреволюционерам¹⁰⁶. Возможно, приговор, вынесенный Саджа-ламе, и мог бы вступить в силу, однако вскоре было принято решение расстрелять его и прочих заговорщиков в связи с другими заговорами против правительства. К их числу относится, например, раскрытый в 1922 г. «заговор случайного характера». С. Л. Кузьмин так комментирует этот заговор: «Дело в том, что в Ургинской тюрьме оставалась сидеть группа монголов-сотрудников барона Унгерна. Наскучив сидеть в заключении, эти монголы сговорились с некоторыми уголовными из китайцев и бурят относительно совместного побега из тюрьмы. Эта группа состояла из ранее арестованных 22 человек. Однако ко времени раскрытия данного «случайного заговора» часть этих людей была уже расстреляна – в том числе Саджа-лама»¹⁰⁷.

Вместе с тем, упомянутые нами антиправительственные заговоры были не правилом, а скорее исключением, малотипичным для общего развития

¹⁰⁴ С. Л. Кузьмин, Буддизм и государственность в Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости, с. 430.

¹⁰⁵ Там же, с. 432.

¹⁰⁶ Там же, с. 432.

¹⁰⁷ Там же, с. 433.

политической ситуации во Внутренней Монголии в начале 1920-х гг. Эта страна, к счастью, избежала гражданской войны благодаря взвешенной, умеренной политике новых властей, благодаря присутствию (до 1925 г.) отрядов советских красноармейцев, благодаря в целом спокойной, неагрессивной тактике Богдо-хана и его двора¹⁰⁸. Влияние Богдо-гэгэна, духовных иерархов, светских князей было в те годы еще значительным, и все же реальная власть – чем дальше, тем больше – переходила в руки новых политических сил и организаций, – Народной партии, Союза молодежи. Их представители доминировали в правительстве, государственном аппарате, им подчинялась «Государственная внутренняя охрана» (спецслужба безопасности, учрежденная в июле 1922 г.). Именно с ними сотрудничали Советская Россия, Коминтерн. Вместе с тем, Народная партия и Союз молодежи были очень молоды, немногочисленны, политически неопытны и разнородны по составу.

О Союзе молодежи необходимо сказать особо. В советской и монгольской исторической литературе середины и второй половины XX в. обычно подчеркивалось, что он возник как боевой резерв партии и действовал как ее верный помощник. Разного рода терния, шероховатости в отношениях между партией и ревсомолом оставались в тени, либо замалчивались. Возникавшие проблемы рассматривались очень кратко, а объяснение им давалось неполное – «недостаточная идейно-политическая зрелость Союза молодежи», недостаток опыта у партии, происки врагов и т.д.¹⁰⁹ Между тем, наряду с общей позицией в понимании главных целей и задач, имели место серьезные разногласия между руководством партии и ревсомолом по ряду важных вопросов. Главный пункт расхождений – быть Союзу молодежи всего лишь молодежным филиалом МНП и действовать полностью под ее руководством, или же стать вполне самостоятельной организацией, чуть ли не второй политической партией¹¹⁰.

¹⁰⁸ История Монголии. XX век., с. 70.

¹⁰⁹ Г. С. Матвеева, Монгольский революционный союз молодежи: История и современность, с. 98.

¹¹⁰ С. К. Роцин, Политическая история Монголии, с. 96.

Союз молодежи возник в августе 1921 г. по инициативе молодых людей, учившихся в свое время в России и связанных с русскими работниками. Одним из ее главных лидеров был Чойбалсан¹¹¹ Другими руководителями Союза молодежи были также Гурсэд, Бавасан, Жадамба, Буяннэмэх¹¹². Они сначала мыслили свою организацию как подчиненную партии и призванную помочь новому правительству¹¹³. Положение в сферах монгольской власти в тот период не было стабильным, среди членов партии тогда преобладали молодые люди, и некоторые ревсомольские работники одновременно были и членами партии и входили в те или иные звенья партийного аппарата. С.К. Роцин подчеркивает, что МРСМ был основан при организационном содействии и под руководством Коминтерна и Коммунистического интернационала молодежи (КИМа), а в его создании принимал непосредственное участие представитель последней из названных организаций А.Г. Старков¹¹⁴. В телеграмме общего собрания членов Союза от 5 сентября 1921 г. Дальневосточному секретариату КИМ говорилось, что МСМ стремится «помочь нашему трудовому народу в его борьбе за освобождение от многолетнего гнета. Мы ставим себе также задачей войти равноправным членом в мировую семью молодежи и вместе с Вами и под Вашим руководством пойти к светлому будущему для трудящихся всего мира»¹¹⁵. Следует заметить, что это была ответная телеграмма на приветствие Дальневосточного секретариата КИМ: коминтерновские организации весьма оперативно реагировали на события в Урге, связанные со становлением структур новой власти в Монголии. Уже из приведенной телеграммы видно, что цели, которые ставились политическими советниками Коминтерна перед МРСМ при его создании, были весьма широкими и имели явную политическую окраску. Ситуация складывалась так, что Союз молодежи чувствовал себя растущей организацией, способной работать наравне с партией. Этому способствовали и субъективные настроения ревсомольских работников, и молодость самой партии, ее кадров, недостаточный ее авторитет,

¹¹¹ Баабар, История Монголии: от мирового господства до советского сателлита, с. 235.

¹¹² С. К. Роцин, Политическая история Монголии (1921-1940), с. 96.

¹¹³ Там же, с. 96.

¹¹⁴ Там же, с. 96-97.

¹¹⁵ Там же, с. 96.

наличие разных течений в ней. Тенденция действовать самостоятельно, независимо от партии проявлялась в Ревсомоле все более определенно. Но решающую роль сыграли не те или иные настроения отдельных руководителей Союза молодежи, а позиция, которую заняли региональные отделения Коминтерна и КИМа в отношении новой организации, в этом главное¹¹⁶. С. К. Рошин пишет, ссылаясь на материалы Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ): «Вот что говорилось в директиве Дальневосточного секретариата Коминтерна (декабря 1921 г.): «МСМ должен занять самое левое место в общественной жизни Монголии. Он должен явиться силой толкачей влево политики правительства. Но вместе с тем, левая политика не должна выражаться в борьбе против правительства. Наоборот, поскольку правительство отстаивает независимость страны, постольку Союз должен поддерживать его. Политической программой Союза должна быть демократическая республика»¹¹⁷. Здесь прямо не говорится о независимости от партии, но смысл вполне ясный – действуйте смелее, самостоятельнее, у вас должно быть свое, особое место в общественной структуре. Примерно то же самое, но еще более определенно, советовал Б. З. Шумяцкий в октябре 1921 г. С.К. Рошин приводит выдержку из его письма заместителю полпреда РСФСР в Монголии А.Я. Охтину. В нем Шумяцкий предлагал в отношении РСМ – «установить независимость от правительства и деловой контакт с партией. Не вносить в молодежную и революционную организацию союза фермента распада, рано или поздно неминуемого в партии, поэтому рекомендую только контакт, только персональное участие членов РСМ в работе правительства, но не больше»¹¹⁸.

А. Г. Старков, уполномоченный КИМа, старательно проводил рекомендуемую линию на усиление роли Союза молодежи как крайне левой политической организации, действующей самостоятельно и поддерживающей

¹¹⁶ Там же, с. 97.

¹¹⁷ Там же, с. 97.

¹¹⁸ С. К. Рошин, Политическая история Монголии (1921-1940), с. 97.

левое крыло партии и левую политику правительства. Его позиция сформулирована в записке, направленной руководителям МРСМ в июне 1922 г. Фрагмент текста этой записки приведен С. К. Роциным: «Союзу молодежи необходимо окончательно оформиться в подлинно революционно-демократическую организацию, в отличие от Народной партии...Формально сохранив характер юношеской организации, разворачиваться в определенную партийную группировку. Необходимо оформить и сословный характер. РСМ должен быть организацией прежде всего трудовой пастушеской молодежи. Но не отталкивать и чиновническую и ламскую молодежь. Поскольку Союзу в перспективе быть политической организацией с ясно выраженным сословным характером и определенной революционно-демократической программой, постольку – полная независимость от партии в данный момент, самостоятельное от нее существование. Для ближайшего периода, пока Союз молодежи не окреп, не вырос численно, СМ должен оказывать партии и правительству, поскольку последние осуществляют задачу освобождения страны, - полную поддержку. Таким образом, линия, взятая ИККИ и осуществляемая на месте его работниками в развитии движения монгольской молодежи нашла подтверждение своей правильности и об изменении ее не может быть пока речи»¹¹⁹. Как видим, Старков призывал руководителей МРСМ к последовательному проведению в жизнь политической линии, намеченной в отношении этого союза Исполкомом Коминтерна. Его позиция полностью разделялась тогдашним руководством Союза – Бавасаном, Буяннэмэхом и др., так как они ориентировались на советы Коминтерна и хотели добиться независимости от партии.

Линия на организационную и политическую самостоятельность была закреплена решениями I и II съездов МРСМ. В резолюции I съезда в июле 1922 г. отмечалось, в частности, что Союз пользуется равноправием с партией в проведении своей идеологии и своих задач¹²⁰. II съезд МРСМ в июле-августе 1923 г. оставил в силе прежнее решение о том, что Союз молодежи «сохраняет полную

¹¹⁹ Там же, с. 97, 98.

¹²⁰ Там же, с. 98.

независимость от партии как в политическом, так и в организационном отношениях»¹²¹. Подобная самостоятельность Союза молодежи отнюдь не вызывала восторгов у партийного руководства. Руководители правительства и партии принимали определенные контрмеры, стремясь направить деятельность МРСМ в подконтрольном им направлении и использовать молодежный союз в своих политических целях. В конце 1921 г. была создана специальная комиссия по урегулированию отношений между ЦК МНП и ЦК МРСМ, но ее работа кардинальных изменений не внесла. Линия на самостоятельность Ревсомола продолжалась до 1924 г. Этому во многом способствовали представители Коминтерна и КИМа, которые нацеливали руководство Союза молодежи на независимость из-за того, что у коминтерновских органов не было твердой уверенности в «благонадежности» Народной партии, ее руководства. По мнению С. К. Рощина, им нужно было готовить запасной вариант, иметь другую организацию, которая бы в экстремальной ситуации заменила Народную партию. Возможно, некоторые работники Коминтерна видели в Союзе молодежи именно такую организацию¹²².

Помимо противоречий между различными политическими структурами, составляющими основу формирующейся системы новой государственности (такими как МНП и МРСМ), внутренняя ситуация в Монголии в начале 1920-х гг. характеризовалась фракционной борьбой и во властных верхах – в ЦК МНП и правительстве. Практически сразу же после формирования «красного» ургинского правительства, осенью в 1921 г. в нем обнаружились острые противоречия между Д. Бодо («левым») и С. Данзаном («правым»). Для понимания причин и истоков противоречий, сложившихся между упомянутыми монгольскими руководителями, необходимо в общих чертах описать жизненный путь, пройденный ими к началу революционных событий. Догсомын Бодо родился в 1885 г. в Маймачене в семье арата-бедняка, в шестилетнем возрасте был отдан в монастырь и стал ламой. В монастыре Бодо освоил монгольское, маньчжурское и

¹²¹ С. К. Рощин, Политическая история Монголии, с. 98.

¹²² Там же, с. 99.

тибетское письмо, что дало ему возможность получить должность писаря в церковных и государственных структурах. В 1913 г. он стал работать преподавателем монгольского языка в школе переводчиков при Российском консульстве, корректором и редактором в русско-монгольской типографии. Вокруг всех перечисленных учреждений сложился круг ургинской интеллигенции – монголов, бурят, русских. Общение с этими людьми во многом повлияло на мировоззрение Бодо и положило начало формированию его политических взглядов. К концу периода автономии Бодо был уже вполне сформировавшимся общественным деятелем¹²³. Он разделял всеобщую тягу монголов к независимости, но при этом шел дальше, все больше осознавая необходимость перемен в окружавшей его общественной действительности. Дальнейший жизненный путь Бодо определили события осени 1919 г., связанные с вступлением китайских войск в Ургу и с ликвидацией автономии Внешней Монголии. Он выступил организатором нелегального кружка, который при обстоятельствах, описанных в предыдущей главе, в скором времени превратился в одну из кадровых, организационных и идейных основ Монгольской народной партии.

Если же говорить о Солийн Данзане, то он родился в 1885 г. в аймаке Сайннойон-хана (ныне Архангайский аймак) и рос у деда, который отдал его в десятилетнем возрасте в монастырь. В монастыре он пробыл недолго, вернулся в родные кочевья, где нанялся в пастухи к богатым скотовладельцам. Работать заставляли много, а платили мало, в итоге Данзан закончил тем, что стал угонять чужой скот. В начале 1910-х гг., спасаясь от наказания за конокрадство, он скрывался в глухих и пустынных южногобийских местах, а затем перебрался в Ургу. Там он познакомился с несколькими русскими и китайскими торговцами и работал приказчиком в их коммерческих компаниях. Видимо, Данзан обладал определенными предпринимательскими способностями, поскольку вскоре ему удалось открыть собственное небольшое торговое дело. Впрочем, коммерческими

¹²³ Christopher P. Atwood, *Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire*, p. 42-43.

начинаниями Данзан увлекся ненадолго. Как только представилась возможность, он вновь сменил род деятельности, устроился на работу в министерство финансов и стал чиновником¹²⁴. Служба в министерстве позволила ему приобрести совершенно новый опыт, познакомиться с практикой административной деятельности, завести знакомства в общественных верхах и лично узнать многих представителей российских государственных, финансовых и торговых учреждений, работавших в Монголии. Попав в новую для себя социальную среду, Данзан начал размышлять о монгольском государстве, о независимости, о несовершенстве общественных порядков и стал искать близких по настроению людей. Очевидным стимулом к активизации этих поисков для Данзана стало увольнение от чиновной должности в ноябре 1919 г. в связи с ликвидацией институтов автономного правительства по приказу генерала Сюй Шучжэна. Вскоре вслед за этим (о чем уже говорилось в предыдущей главе) под началом Данзана в Зун-Хурэне возник нелегальный кружок, а который вошли Сухэ-Батор, Догсом, Дугаржав и др. С. К. Рощин отмечает, что «Данзан рано, одним из первых, понял, что без внешней поддержки – со стороны Советской России – ничего не добиться»¹²⁵. Затем, как известно, произошло слияние кружка Данзана с кружком Д. Бодо. Лидеров единой организации – Народной партии – стало двое. С. К. Рощин высказывает мнение о том, что в благоприятной, спокойной обстановке Бодо и Данзан, возможно, хорошо дополняли бы друг друга. Однако такой обстановки в Монголии в начале 1920-х гг. не было. Бодо и Данзан жили и действовали в бурное, смутное время, требовавшее быстрых решений, определенности, соподчиненности, дисциплины. Трения между ними, как полагает С.К. Рощин, начались, уже в начале совместной деятельности, сначала по мелочам, потом по серьезным проблемам. Подспудно началась борьба за лидерство, за первенство, а потом и борьба за власть¹²⁶.

¹²⁴ Там же, с. 129.

¹²⁵ С. К. Рощин, Политическая история Монголии, с. 61.

¹²⁶ Там же, с. 56.

Если рассуждать о том, когда именно и в чем начали проявляться противоречия между двумя лидерами монгольского революционного движения, то можно привести в пример историю с печатью Богдо-гэгэна при отъезде монгольской делегации в Советскую Россию летом 1920 г. Бодо считал, что делегация должна представлять Народную партию, и печать Богдо-гэгэна на документе не обязательна. Данзан же настаивал, что без печати Богдо-гэгэна ехать не стоит. На первый взгляд можно посчитать данные разногласия несущественными. Однако, на самом деле просматривалось принципиально разное отношение к целям делегации – вести переговоры от «традиционной Монголии», символом которой был Богдо-гэгэн, или действовать от имени «новой, нарождающейся Монголии». Споры по этому поводу продолжались и в Иркутске, во время переговоров с представителями советских властей. Вполне естественно, что Ф. И. Гапон, участвовавший в переговорах от имени Сибирского бюро ЦК РКП(б), поддержал позицию Бодо, попросив делегацию составить предложения от имени Народной партии¹²⁷.

Авторитет Бодо среди партийцев был достаточно высок, его роль одного из ведущих руководителей не подвергалась сомнению. Будучи премьером Временного правительства, он провел вместе с Данзаном, Сухэ-Батором и другими – большую работу по организации борьбы с Унгерном, подготовке первых решений по военным и хозяйственным вопросам. Главой правительства Бодо являлся с 10 июля 1921 г. до 7 января 1922 г., т. е. в общей сложности менее 9 месяцев. Однако за этот короткий период им было сделано достаточно много. Пожалуй, главный вопрос тех месяцев – о форме государственного устройства Монголии. Этот вопрос был совсем не простым, существовали разные мнения по этому поводу. Данзан полагал, что надо форсировать переход к республике. Бодо занимал более осторожную позицию, считая, что для монголов республика – дело будущего, а пока самая подходящая форма – ограниченная монархия. С. К. Рощин пишет о том, что существует и другая версия, по которой Бодо с самого начала

¹²⁷ Там же, с. 57.

был за республиканскую власть, а Данзан выступал скорее как монархист, чем республиканец. Бодо рассматривал республиканский строй как перспективу, как цель, к которой надо двигаться постепенно, не торопя события¹²⁸. По поводу выбора формы государственного устройства Монголии было достаточно споров и конфликтов. И во многом благодаря усилиям Бодо в ноябре был принят «Клятвенным договор», который упоминается выше.

Будучи премьером, Бодо активно содействовал началу многих важных политических и экономических преобразований, речь о которых пойдет в следующих главах, – созыву Временного государственного хурала, ограничению прав и привилегий светских князей, смягчению повинностей аратов, прекращению выплаты долгов иностранным фирмам, созданию потребительской кооперации и др.

С именем Бодо также связано начало создания дипломатической службы Монголии. Как председатель правительства и министр иностранных дел он подписал целый ряд важных внешнеполитических документов, в том числе обращение к правительству РСФСР от 12 июля с просьбой не выводить части Красной Армии из пределов Монголии, обращение к правительству РСФСР от 10 сентября с просьбой о посредничестве в установлении мирных отношений с Китаем, обращение от 14 сентября ко всем иностранным государствам о провозглашении независимости Монголии и др.¹²⁹. Надо также упомянуть о том, что с сентября 1921 г., после отъезда Данзана во главе делегации в Москву и до конца года он исполнял также обязанности председателя ЦК МНП. Через его руки проходила партийная документация, а также он координировал работу партийных организаций.

Как можно увидеть из сказанного, во второй половине 1921 г. Бодо сосредоточил в своих руках весьма обширные полномочия. Тем не менее, трагический финал этого политического деятеля оказался довольно скорым. Можно выделить две основные причины падения Бодо. Первая –

¹²⁸ С. К. Роцин, Политическая история Монголии, с. 58.

¹²⁹ Там же, с. 58.

внутрипартийная борьба, соперничество, личные счеты между Бодо и Данзаном. У них были и мелкие конфликты, и серьезные расхождения, за которыми стояла борьба за лидерство. Но сводить все к противостоянию Бодо и Данзана было бы не правомерно. С сентября по декабрь 1921 г. Данзана не было в Монголии, однако авторитет Бодо все равно постепенно падал. Неудачно сложились его отношения с некоторыми руководителями Союза молодежи. Бодо поддерживал молодежное движение, но когда уловил тенденцию отхода Союза от партии, стремление стать еще одной партией, слишком резко выступил против него. К тому же, еще одной причиной падения Бодо можно назвать побуждения покончить с некоторыми монгольскими традициями и обычаями, которые почему-то казались ему отжившими и реакционными. Бодо стал инициатором кампании по запрету традиционных халхаских женских причесок, стараясь провести эти мероприятия руками ревсомольцев¹³⁰. Вполне естественно, что такие действия новых властей и поддерживающего их МРСМ привели к всеобщему недовольству и дискредитации Союза молодежи. При этом во многом вопреки такой «революционности» Бодо стремился к бесконфликтным отношениям с церковными иерархами и настаивал на продолжительном сохранении теократической монархии как формы нового государственного устройства. Подобные взгляды Бодо не устраивали его политических оппонентов, которые считали данную позицию «политической слабостью». С. К. Рощин, ссылаясь на архивные материалы РЦХИДНИ, пишет: «Допускал Бодо и нелестные отзывы о работе некоторых политических советников Коминтерна и Полпредства РСФСР при монгольском правительстве»¹³¹. В довершение ко всему в конце 1921 г. в Урге распространялись слухи о том, что Бодо с помощью Чойбалсана и Чагдаржава задумал устранить Данзана, поскольку тот якобы готовит государственный переворот – свержение Богдо-гэгэна с престола и установление республиканского строя¹³².

¹³⁰ Баабар, История Монголии: от мирового господства до советского сателлита, с. 237.

¹³¹ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 16, л. 32.

¹³² С. К. Рощин, Политическая история Монголии, с. 59.

Отмеченные противоречия, свойственные политическим воззрениям Бодо и влиявшие на его практическую деятельность, были искусно использованы его оппонентами. В частности, монгольский историк Баабар упоминает о том, что С. Данзан не раз заводил разговоры в кругах влиятельных людей о снятии Бодо с поста. «Премьер-министр вспыльчив и мягок», «Наш премьер-министр слишком мягкий, его необходимо заменить другим человеком», - говорил он¹³³. Впрочем, Бодо и сам чувствовал, что «почва колеблется у него под ногами», и в конце 1921 г. дважды подавал заявление об отставке, которую не приняли. Вмешательство вернувшегося из Москвы Данзана ускорила развязку этих событий. 7 января 1922 г. Бодо был освобожден от всех постов. Однако дело этим не ограничилось¹³⁴. Была создана особая комиссия во главе с Данзаном по расследованию «заговора Бодо». Комиссии помогала учрежденная в июле 1922 г. Государственная внутренняя охрана¹³⁵. Арест Бодо и других «заговорщиков» состоялся в августе 1922 г. Им были предъявлены следующие обвинения: «заговор с целью свергнуть Народное правительство и восстановить старое реакционное правительство, подчиненное властям Китая», связь с американским консулом (речь о котором пойдет в следующей главе данной работы), контакты с Джа-ламой, с русскими белогвардейцами и китайскими милитаристами¹³⁶.

Комментируя выдвинутые против Д. Бодо обвинения, особо следует остановиться на инкриминированных ему связях с Джа-ламой. В 1-й главе мы упоминали об основных фактах биографии этого ойратского политического и религиозного деятеля. Поднятое им движение за государственную независимость Западной Монголии и за воссоздание Джунгарского ханства в начале 1920-х гг. пришло в очевидные противоречия со стремлением «красного» правительства в Урге установить свою власть над всей территорией Внешней Монголии. Вместе с тем Бодо, будучи премьер-министром ургинского правительства, послал Джа-ламе письмо вежливости, как одному из наиболее влиятельных и авторитетных

¹³³ Баабар, История Монголии: от мирового господства до советского сателлита, с. 237.

¹³⁴ Ch. Bawden, The modern history of Mongolia, p. 253.

¹³⁵ С. К. Роцин, Монголын ундэсний баатар Д. Сухэ-Батор, с. 96.

¹³⁶ С. К. Роцин, Политическая история Монголии, с. 60.

ойратских политических и духовных лидеров. – здесь необходима ссылка на источник информации. Помимо того желательно установить дату, когда было написано это письмо. – Данное обстоятельство и было использовано противниками Бодо как повод в формулировке против него обвинений в связях с очевидным противником Народного правительства и новой власти.

По мнению большинства из авторов использованных мной исторических исследований, все выдвинутые против Бодо обвинения (не исключая и его «антигосударственные» контакты с Джа-ламой) не имели под собой сколько-нибудь достоверных оснований. Крайне маловероятным представляется даже сам факт того, чтобы Бодо организовал заговор против правительства, за создание которого сам же боролся и которое возглавлял. Как полагает С.К. Рощин, вся логика его жизни, его убеждения, его положение одного из высших руководителей Монголии восставали против выдвинутых обвинений¹³⁷. Вместе с тем, есть определенные основания полагать, что Бодо не устраивал своими слишком консервативными, правыми и «националистическими» политическим взглядами не только своих оппонентов в ЦК МНП и правительстве, но и ответственных сотрудников Коминтерна и советского полпредства, отвечавших за положение дел в Монголии. Они и союзные им монгольские революционеры и добились устранения этого деятеля, который не только по личным амбициям и неуживчивости характера, но и по мировоззрению не вписывался в формирующийся государственный организм. К тому же несомненно, что к политическим противоречиям присоединились и внутривластная борьба, беспринципное соперничество, подозрительность и безмерная жестокость¹³⁸. 30 августа 1922 г. по решению особой комиссии, утвержденному правительством, 15 человек, связанных с «заговором Бодо» были расстреляны. Среди них – сам бывший премьер-министр, Д. Чагдаржав, да лама Пунцагдорж и др. Со времени основания в Урге «красной» власти это был первый крупный политический судебный процесс, который привел к столь трагическим результатам. Таким

¹³⁷ С. К. Рощин, Политическая история Монголии, с. 60.

¹³⁸ Ch. Bawden, The modern history of Mongolia, p. 254.

образом, уже в августе 1922 г. Монголия осталась без главы правительства, который был обвинен своими соратниками в заговоре и расстрелян. В общем же, «заговор Бодо» на примере монгольской истории напоминает известную формулу о том, что «всякая революция пожирает собственных детей».

Одним из очевидных претендентов на освободившееся место премьера после гибели Д. Бодо оказался С. Данзан – он один из основателей МНП и один из лидеров революции. Но у и него было немало оппонентов. С 1922 г. все острее вставал вопрос о путях развития Монголии, усложнялись отношения в руководстве, росло влияние Советской России, Коминтерна. Как писал С.К. Роцин, в условиях, когда активно культивировались левые настроения, Данзана все более тянуло вправо. Он плохо воспринимал социализм как практику и цель, был убежден в том, что Монголия не готова к такому повороту. Ему гораздо понятнее был капитализм с его рынком, свободной торговлей, частной собственностью. Данзану казалось, что для Монголии – это более естественный путь. Он полагал, что Монголии надо «придерживаться середины между старым и новым» и упрекал сторонников немедленных революционных преобразований в легкомыслии¹³⁹. Не нравилось Данзану часто употребление слов «революция», «революционный». Когда время от времени возникали споры о названии партии, он неизменно отстаивал название «Народная», а не «Народно-революционная». В начале 1922 г. по настоянию Данзана в партийных верхах по этому поводу был достигнут компромисс: в документах, отправляемых за границу, писать – ЦК МНРП, а в документах, предназначенных для внутреннего пользования – ЦК МНП¹⁴⁰.

Главным политическим оппонентом и соперником Данзана в борьбе за власть после раскрытия «заговора Бодо» стал Э.-Д. Ринчино, который среди всех тогдашних монгольских руководителей отличался наиболее последовательной приверженностью «левым» взглядам. Э.-Д. Ринчино (1888-1938) до приезда в Монголию (апрель 1921 г.) прошел большой и сложный жизненный путь, сначала

¹³⁹ С. К. Роцин, Политическая история Монголии, с. 63.

¹⁴⁰ Там же, с. 63.

став широко известным политическим деятелем в населенных бурятами районах российского Забайкалья. Такое начало его политической карьеры не было случайным, поскольку Ринчино происходил из бурят Баргузинского аймака. В молодости там же в Баргузине он окончил городское училище, затем поступил в Верхнеудинское реальное училище, после чего обучался на курсах при Томском технологическом институте, а с 1908 по 1914 гг. был студентом Юридического факультета Петербургского университета¹⁴¹. Но еще до поступления в университет в 1906 г. в Верхнеудинске Ринчино познакомился с социал-демократами и даже вступил в местную организацию партии эсеров. Близкое знакомство Э.Д. Ринчино с Внешней Монголией относится к 1915-1916 гг., когда он работал на ее территории в составе российской комплексной экономико-этнографической экспедиции, которую возглавляли С. А. Козин и П.В. Витте. С началом революционных событий в 1917 г. Ринчино вступает в партию левых эсеров. В 1917-1918 гг. избирается первым председателем Центрального Национального Комитета бурят-монгол Восточной Сибири (Бурнацкома), который в первое время после революции претендовал на роль нового правительства в бурятских районах Забайкалья, а в дальнейшем перешел на сторону Советской власти. В конце 1918 – начале 1919 г. с падением Советов в Сибири Э.Д. Ринчино переходит на нелегальное положение, а в 1919 г. оказывается вовлеченным в панмонгольское движение¹⁴².

В 1920 – начале 1921 г. Ринчино занимал ответственные должности в азиатском бюро Сибирской комиссии НКВД Советской России, в секции восточных народов Сибирского бюро ЦК РКП(б), работал в Дальневосточном секретариате Коминтерна. В апреле 1921 г. Ринчино в качестве заведующего монголо-тибетской секцией Дальневосточного секретариата Коминтерна прибыл в Монголию. Он не был официальным представителем Коминтерна, у него была другая задача – влиться в монгольскую среду, войти в число лидеров новой монгольской власти и изнутри влиять на деятельность Народного правительства,

¹⁴¹ Там же, с. 91.

¹⁴² С. К. Рощин, Политическая история Монголии, с. 92.

направляя ее в русло соответствующее интересам политического руководства Советской России. Ринчино быстро вошел в число ведущих монгольских политических государственных деятелей. Сначала он – советник правительства, член Военного Совета, но уже в сентябре 1921 г. – председатель Военного Совета, затем – член Президиума ЦК МНП, член Президиума правительства. Что касается идейных позиций, на которых в то время стоял Ринчино, то он, следуя политической линии Исполкома Коминтерна и ЦК РКП(б), стал в Монголии лидером «левого» крыла Народной партии. Под его началом «левые» в партийных и правительственных сферах постепенно набирали силу, теснили С. Данзана и сторонников «правого» крыла.

Впрочем, несмотря на растущее влияние Ринчино и Данзана и вопреки их стремлению не только к политическому лидерству, но и к высшим государственным постам, ни одному из них не суждено было стать следующим монгольским премьер-министром после отстранения от власти Д. Бодо. Выборы нового премьер-министра, проведенные в марте 1922 г., членами ЦК МНП при политическом и организационном участии представителей советского полпредства и Исполкома Коминтерна, привели к власти широко известного политического деятеля *Жалханз-хутухту*¹⁴³, одного из высших церковных иерархов, близкого к Богдо-гэгэну человека. В начале 1921 г. он занимал осторожную, выжидательную позицию и перешел на сторону новой власти, убедившись в ее силе и влиянии. Как полагает С.К. Роцин, Жалханз-хутухта был весьма опытным, авторитетным государственным деятелем, активным сторонником самостоятельности Монголии и в тех условиях устраивал многих. Для Богдо-гэгэна лучшей кандидатуры не могло и быть. Для партийцев – он был лоялен, умен, полезен, хотя, разумеется, не все приветствовали его появление в правительстве¹⁴⁴. Монгольский историк Баабар, комментируя смену премьер-

¹⁴³ *Джалханцзы-хутухта Дамдинбазар (Джалханцза-гэгэн)*. Родился в 1874 г. в семье небогатых скотоводов. Был ламой, считался инкарнацией одного из святых тибетского буддизма, играл важную роль в борьбе за независимость Монголии. Дважды премьер-министр Монголии: в 1921 г. (монархическое правительство при бароне Унгерне) и в 1922-1923 гг. В 1921 г. поддержал Унгерна и после освобождения им Монголии возглавил правительство. В 1922 г., после казни Бодо вновь был назначен на пост премьер-министра.

¹⁴⁴ С. К. Роцин, Монголын ундэсний баатар Д. Сухбаатар, с. 99.

министра Монголии пишет следующее: «На пост премьер-министра назначили одного из самых влиятельных хутухт Монголии – Дамдинбазара. Бодо намеренно заменили Дамдинбазаром с целью привлечь верующих на сторону народной власти и подавить всяческое сопротивление. Инициатива назначения Дамдинбазара на высокий пост принадлежала Данзану и Сухэ-Батору, и Данзан лично пришел к хутухте, чтобы возвести его на этот пост»¹⁴⁵.

Таким образом, с марта 1922 г. до июня 1923 г. в Монголии сложилась весьма своеобразная ситуация: глава государства, монарх с ограниченными правами – «живой бог» Богдо-гэгэн, глава правительства – его ближайший сподвижник Жалханз-хутухта, а правящая партия – Народная революционная партия, которая опиралась в своих начинаниях на Коминтерн. Реальная власть была все-таки в руках Народной партии, и началась реализация ее политики, направленной на укрепление самостоятельности страны и на реформирование общества.

Советские и монгольские историки в середине в второй половине XX в. считали непреложной истиной то, что основателем МНРП и народного государства, вождем революции был один человек – Д. Сухэ-Батор. Как главком Народной армии и видный политический деятель он действительно сыграл выдающуюся роль в становлении нового монгольского государства. С.К. Роцин, обращаясь к трактовке его роли в политической истории Монголии начала 1920-х гг., в частности, пишет о том, что реальная действительность была гораздо сложнее умозрительных представлений об единственном «вожде». При всей своей популярности и авторитете Сухэ-Батор в тех исторических условиях, в силу объективных и субъективных факторов (обстановка в партии и вне ее, его возраст, подготовленность, официальное положение и т.д.) не мог быть единственным лидером, единоличным «вождем»¹⁴⁶. Сложилось так, что в начале 1920-х гг. в Монголии единоличного и общепризнанного лидера вообще не было, а имелось руководящее ядро, несколько человек, которые коллективно выработывали политическую линию, тактику и руководили ходом событий в меру своих сил и

¹⁴⁵ Там же, с. 240.

¹⁴⁶ С. К. Роцин, Политическая история Монголии, с. 54.

способностей. К этому ядру относились люди, входящие в состав упомянутой нами в 1-й главе «семерки», которая отправилась летом 1920 г. за помощью и поддержкой в Советскую Россию. В числе этих семи человек кроме Сухэ-Батора были и первый премьер-министр Народного правительства Д. Бодо и первый председатель ЦК МНП С. Данзан. В советской литературе роль двух последних политических деятелей в монгольской революции и в строительстве новой государственности явно преуменьшалась, хотя оба они в июле 1921 г. заняли высшие государственно-политические посты. Получалось так, как будто всем в стране руководил один Сухэ-Батор¹⁴⁷. Вместе с тем, анализ политической ситуации в Монголии в начале 1920-х гг., проведенный современными отечественными исследователями, показывает, что в этой стране существовали три центра национальной власти, три центра управления – партийный (Данзан), правительственный (Бодо), военный (Сухэ-Батор). Что касается версии о Сухэ-Баторе, как о единственном и главном вожде монгольской революции, то этот миф, как явствует из известной нам исторической и политической литературы, появился в советской и монгольской историографии в конце 1930-х гг. Поводом к его появлению, по-видимому, стало то, что к тому времени Сухэ-Батор – единственный из первых лидеров монгольской революции – не был обвинен в политических преступлениях и не был подвергнут репрессиям. Соратник и ближайший сподвижник Сухэ-Батора по работе в Военном министерстве Х. Чойбалсан, который в 1938 г. стал в Монголии главой партии и правительства, в годы революции был еще молод, не занимал ведущих административных и партийных постов и объективно не мог претендовать на историческую роль основателя нового государства.

Что касается Бодо, Данзана и Сухэ-Батора, то все они, вопреки ушедшему в прошлое историческому мифотворчеству, рассматриваются современными историками как наиболее видные представители того этапа национально-

¹⁴⁷ С. Викторов, Н. Халхин, Монгольская народная республика, М., 1936; Ю. Цеденбал, Сорокалетие Великого Октября и монгольский народ, М., 1957; Х. Чойбалсан, Краткий очерк истории монгольской народной революции, М., 1952.

освободительного движения, который привел к революции 1921 г. В описаниях авторов работ, вышедших в свет на нынешнем этапе развития монголоведной историографии, Бодо, Данзан и Сухэ-Батор, предстают национальными демократами, которые осознавали необходимость реформ в Монголии и понимали, что они могут достичь своих целей лишь при поддержке Советской России.

Определяя особенности внутривполитического положения Внешней Монголии в 1921-1922 гг., следует заметить, что политическая трансформация и изменения в государственном устройстве, произошедшие в этой стране в указанное время, безусловно, явились следствием того, что в решении «монгольского вопроса» активное участие приняла Советская Россия. Ее правительство преследовало в Монголии собственные цели, и в одно из средств их достижения были превращены монгольские революционеры, стремившиеся прежде всего к обретению независимости от Китая и к формированию суверенного государства со столицей в Урге. Но при этом весьма важными представляются два обстоятельства. Во-первых, возникшие в 1921 г. формы монгольской государственности не являлись абсолютным повторением теократии, характерной для Внешней Монголии в период автономии. Тем самым революция сформировала предпосылки для дальнейшей коренной трансформации устоев монгольского общества, произошедшей в середине и второй половине XX в. Именно эта трансформация, в свою очередь, заложила фундамент, на котором выстроено современное независимое монгольское государство. Во-вторых, воссозданию государственности во Внешней Монголии в 1921 г. способствовало не только благоприятное стечение внешних обстоятельств, но и деятельность политически активных представителей местного чиновничества, духовенства и традиционной аристократии. Созданная ими Монгольская народная партия, очевидно выступая проводником советского влияния, вместе с тем ставила перед собой стратегические цели, которые во многом совпадали с традиционным стремлением подавляющего большинства монголов к суверенитету и

независимости. Изложенные соображения позволяют большинству из авторов использованных нами исторических исследований характеризовать события, произошедшие в 1921-1922 г. во Внешней Монголии как политическую революцию, которая открыла путь к глубоким внутривнутриполитическим переменам, наступившим в монгольской истории на следующем ее этапе.

Глава 3

Международное положение Внешней Монголии в 1921 – 1922 гг.

В комплексе проблем, связанных с изучением политической истории Монголии в начале 1920-х гг., наряду с анализом внутреннего положения, сложившегося на территории, контролируемой новым Народным правительством, важное место занимают вопросы о международном статусе монгольского государства и о характере его контактов с внешним миром. Несомненно, что историко-географические и политические реалии того времени определили два главных направления внешней политики новых монгольских властей – российское и китайское. Причем, развитие отношений формирующегося монгольского государства с двумя его соседями и внешнеполитическим партнерами в каждом из случаев подчинялось разным закономерностям и имело принципиальные отличия. Советская Россия военными и политическим средствами во многом способствовала появлению в июне 1921 г. в Урге союзного ей правительства, возглавленного «красными монголами». Что касается Китайской Республики, то ее власти, о чем уже говорилось выше, рассматривали территорию Внешней Монголии как регион, на который должна распространяться юрисдикция пекинского правительства, и исключали для себя даже гипотетическую возможность признания за «ургинскими сепаратистами» прав на государственный суверенитет и независимость. Поэтому основным внешнеполитическим акцентом для Народного правительства в первый год его существования оказалась проблема урегулирования отношений с Китаем. Подтверждает сказанное тот факт, что одним из первых важнейших актов Народного правительства явилось обращение ко всем иностранным государствам о провозглашении независимости Монголии, подписанное премьер-министром Д. Бодо 14 сентября 1921 г. В нем, в частности, говорилось: «Народное правительство... заявляет, что суверенитет Китая не будет больше признаваться. В Монголии создан конституционно-демократический строй, при котором

страной управляют сами монголы. Они стремятся по-прежнему поддерживать дружеские отношения с Китаем... Монголы и китайцы могут жить самостоятельно и спокойно. Мы хотим установить торговые отношения со всеми странами...»¹⁴⁸. В обращении ко всем иностранным державам – «Декларации об объявлении независимости Монгольского государства», принятой в сентябре 1921 г., так говорилось об основах монголо-китайских отношений: «В настоящее время наше Народное правительство вовсе не намерено проводить враждебную политику в отношении Срединного государства (Китая), питая к нему чувство былой мести. Вместе с тем оно ни в коем случае не согласится на восстановление китайского сюзеренитета над Монголией. Оно желает скорейшего установления дружественных связей и торговых отношений между Монголией и Китаем на основе признания им нынешнего Народного правительства...»¹⁴⁹.

В целом же, пришедшее к власти Народное правительство учитывало, что урегулирование отношений между новой Монголией и Китаем – проблема сложнейшая и длительная. Чтобы начать постепенно ее решать, оно обратилось 10 сентября 1921 г. к правительству РСФСР с просьбой о посредничестве в установлении мирных отношений с властями Китайской Республики. Рассматривая внешнеполитическую ситуацию, сложившуюся вокруг Внешней Монголии к середине 1921 г., нельзя не отметить, что упомянутое нами обращение ее правительства к советским властям не было первой попыткой поиска подобного международного посредничества. Несколько раньше и в иных обстоятельствах ургинское правительство уже демонстрировало стремление прибегнуть к помощи третьей стороны в налаживании контактов с официальным Пекином. В данном случае, впрочем, речь идет не о Народном монгольском правительстве, а о его предшественнице – администрации, во главе которой стоял Богдо-гэгэн. Ее представители, еще во время захвата Урги бароном Унгерном, 15 февраля 1921 г. обратились к менеджеру фирмы The Mongolian Trading Co. А Гуптиллу с просьбой передать приглашение американскому консулу приехать и

¹⁴⁸ Советско-монгольские отношения. 1921-1974, т.1, с. 47.

¹⁴⁹ Б. Лхамсурэн, Очерки истории Монгольской народно-революционной партии, с.69.

ознакомиться с положением дел в Монголии, а также с просьбой к Америке выступить посредником между Монголией и Китаем. Американский консул С. Сокобин, получив санкцию Госдепартамента, ответил согласием на предложение монгольских властей и в начале мая 1921 г. направился из Калгана в Хурээ через Маньчжурию. Цель поездки, сформулированная им в переписке с вашингтонской администрацией, состояла в ознакомлении с положением дел в Монголии и в возможном налаживании посредничества в ее делах с Китаем. Сокобин по дороге остановился в Тяньцзине, где встретился с представителями шести американских компаний, ведущих торговлю с Монголией. Но за это время военно-политическая ситуация изменилась, и власть в Урге перешла к сформированному при содействии Советской России Народному правительству. Именно с последним, за отсутствием иных властей, американский консул и вынужден был вступить в контакт по прибытии в Ургу.

Сокобин проработал во внешнемонгольской столице с 18 августа по 14 сентября, почти месяц. Он провел переговоры с главой нового монгольского правительства Д. Бодо, который всего лишь месяц назад приступил к исполнению своих обязанностей. Монгольский премьер-министр обратился к Сокобину с просьбой о том, чтобы США поставили свою подпись под китайско-монгольскими соглашениями и стали их участником. При этом Бодо предлагал правительству США выступить гарантом исполнения монголо-китайских соглашений обеими сторонами вне зависимости от того, какие права могут быть предоставлены Монголии в рамках этих межгосударственных договоренностей. Таким образом, премьер-министр Народного правительства фактически предлагал Соединенным Штатам принять на себя обязанности, которые выполняла царская Россия в китайско-монгольских соглашениях. Бодо говорил, что «надеется, что США и Россия сделают шаги по установлению мирных отношений между Монголией и Китаем, по организации переговоров между ними»¹⁵⁰. Сокобин поинтересовался, насколько монгольское правительство опирается на поддержку

¹⁵⁰ Болд Р., Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США-Россия-Китай, 1910-1973, с. 115.

Советской России в проведении переговоров между Китаем и Монголией, на что Богдо ответил, что российская сторона настроена на помощь, постоянно и все больше интересуется монгольским вопросом¹⁵¹.

Помимо переговоров в монгольском правительстве Сокобин встречался и с Богдо-гэгэном, чье приглашение, собственно, и стало поводом к визиту американского консула в Ургу. Хутухта передал Сокобину сообщение о своем желании иметь дружественные отношения с Китаем и направил письмо с просьбой к американскому народу о посредничестве между Монголией и Китаем. Сокобин писал: «Богдо-гэгэн весьма озабочен установлением мира и благоденствия, он несколько раз направлял ко мне личных представителей с просьбой о посредничестве в тяжелых делах отношений Монголии и Китая»¹⁵².

Политическим руководством Советской России встреча Сокобина с лидерами нового монгольского правительства и с влиятельными князьями и ламами была воспринята с очевидным подозрением. Представитель Народного комиссариата иностранных дел РСФСР Б.З. Шумяцкий считал, что «американский консул за более чем месячное пребывание в Хурээ имел целью отдалить монгольское народно-революционное правительство от своей страны, стремился объединить князей и лам с целью устранения нашего влияния»¹⁵³. Упомянутый советский дипломат в начале сентября 1921 г. прибыл в Хурээ для изучения обстановки, после чего написал о Сокобине: «Американский консул обещает от имени Вашингтона экономическую помощь и рвется изо всех сил, чтобы получить мандат в Америке на посредничество между Монголией и Китаем»¹⁵⁴. Сделав такое заключение, Шумяцкий предпринял меры противодействия. 22 сентября 1921 г. он написал наркомму Г.В. Чичерину из Иркутска: «Монгольское правительство, так же как и Богдо-гэгэн, поставило свою печать на ноте Богдо о посредничестве. В Хурээ... идет мощная кампания за выдачу американцам мандата на посредничество, в это дело вовлечен и Богдо-гэгэн. По нашему совету,

¹⁵¹ Там же, с. 116.

¹⁵² Там же, с. 118.

¹⁵³ Там же, с. 119.

¹⁵⁴ Там же, с. 118.

чтобы дать этому отпор, монгольское народно-революционное правительство сумело вытребовать у Богдо-гэгэна формулировку ответа американскому консулу: «По делам государственного характера ведите переговоры с нашим правительством». Помимо этого, дабы лишить почвы для вовлечения лиц духовного звания в разные смуты, народно-революционное правительство обратилось к Богдо-гэгэну, чтобы при направлении ответа американцам министр иностранных дел также отправил ноту о посредничестве в НКВД РСФСР»¹⁵⁵.

Очевидно, результатом визита Шумяцкого в Ургу стало то, что монгольское правительство направило просьбу о посредничестве между Монголией и Китаем и Советской России, и Америке одновременно. В письме, которое премьер-министр Бодо 10 сентября 1921 г. направил в Москву, говорилось: «Поскольку в деле учреждения дружественных отношений между Монголией и Китаем по сей день не произошло официальных дел... а народ Среднего государства и его правительство устремлены к разделу монгольского народа и подчинению его себе, посему, уважаемый комиссар, с уважением воспринимаем Ваше напоминание и просим Вашего согласия на посредничество в этих делах».

Монгольский историк Р. Болд отмечает: «Советская сторона незамедлительно 14 сентября дала ответ на письмо Бодо, о чем было сообщено в газете «Известия» за 17 сентября 1921 г. Г. В. Чичерин с учетом того, что Правительство России планирует в ближайшее время войти в постоянные сношения с Правительством Китая, о чем было доведено через направленную недавно в Пекин торговую делегацию, сообщил, что просьба Монголии принята во внимание»¹⁵⁶.

Сокобин же сделал относительно ноты Чичерина следующий вывод: «Очевидно, что Советская власть требует у Китая гораздо больше, нежели признание независимости Монголии. При переговорах с Китаем по вопросу Монголии у нее (Советской власти) нет цели предоставить независимость Монголии или освободить монгольский народ от «иностранного гнета», здесь

¹⁵⁵ Там же, с. 118.

¹⁵⁶ Там же, с. 118.

идет игра на вовлечение иностранных держав в сношения с собой или принуждение китайского правительства признать Советы как одну из держав»¹⁵⁷.

Следует заметить, что Р. Болд в целом соглашается с приведенным в его работе мнением американского консула. Этот монгольский историк полагает, что Советская Россия принудила монгольское правительство обратиться с просьбой к официальной Москве о посредничестве, что давало последней повод войти в отношения с Китаем. Помимо этого, по мнению упомянутого автора, у России была и дополнительная цель – предотвратить развитие связей между Монголией и Америкой¹⁵⁸. Что касается последнего суждения Р. Болда, то оно представляется нам вполне аргументированным. Во всяком случае, приведенные выше выдержки из переписки руководящих сотрудников НКВД РСФСР подтверждают выводы монгольского историка. Вместе с тем иным его суждениям, с нашей точки зрения, порой не достаёт столь же очевидной обоснованности. Мы имеем в виду указания Р. Болда на то, что новые монгольские власти были принуждены Советской Россией признать ее предложение о посредничестве в налаживании отношений с Китаем. Здесь монгольский автор, по-видимому, не учитывает того обстоятельства, что деятели МНП, оказавшиеся во главе монгольского правительства, сами во многом ориентировались на поддержку со стороны России и выступали проводниками и защитниками ее интересов. В интересующем нас случае на это прямо указывает все тот же Б.З. Шумяцкий. Вспомним, что в приведенном выше письме он говорит о том, что «Народное революционное правительство сумело *вытребовать* (курсив наш. – Д.Т.)» у Богдо-гэгэна формулировку ответа американского консулу, устраивавшую советскую сторону. Учитывая изложенное, у советских властей вряд ли была необходимость в том, чтобы насильно принуждать новое монгольское правительство к принятию собственного посредничества в решении тех международных вопросов, в которых это правительство и без того вряд ли могло обойтись без помощи официальной Москвы.

¹⁵⁷ Там же, с. 118-119.

¹⁵⁸ Там же, с. 119.

В конце августа 1921 г. в Нийслэл-Хурээ состоялся большой Хурал с участием представителей Монгольской Народной партии, правительства, чиновников, князей, лам, и жителей разных хошунов. Этот форум одобрил изменения в государственном устройстве, связанные с появлением ограниченной монархии и с созданием Народного правительства. Одновременно съехавшиеся в Ургу депутаты приняли решение создать Временный Государственный Хурал, которому следовало поручить обсуждение вопросов внутренней и внешней политики. Б.З. Шумяцкий писал о том, что созыв этого представительного органа якобы был организован окружением Джебдзун Дамба-хутухты по совету Сокобина. «Американский консул оказал влияние на Богдо-гэгэна, а через него на монгольское народно-революционное правительство, настаивая на проведении так называемого совещания общественных деятелей из светского и духовного сословия, на которых американцы хотят опереться. Я предложил монгольскому народно-революционному правительству не разгонять это совещание, а используя явное преобладание симпатий к нашей стороне и в целях сохранения такого отношения, подталкивать к дальнейшему раздору враждующих между собой лам и князей, с тем чтобы добиться утверждения важных проектов законов и мероприятий. Это я и посоветовал им. Монгольское народно-революционное правительство использовало это совещание, в ближайшие дни оно закончится»¹⁵⁹.

Если теперь вернуться к вопросу о возможном начале монголо-китайских переговоров, то следует заключить, что в рассматриваемый нами период не существовало даже минимальных объективных предпосылок к налаживанию политического диалога между Ургой и Пекином. Северное правительство Китая, которое среди всех прочих правительств, существовавших на тот момент в этой стране, выступало официальным выразителем общегосударственных интересов на международной арене, исключало даже гипотетическую возможность признания

¹⁵⁹ Болд Р., Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США-Россия-Китай, 1910-1973, с. 119.

ургинского правительства равноправной стороной переговоров по любым вопросам внешне и внутривосточной повестки дня¹⁶⁰.

Что касается посреднических усилий США, то они в рассматриваемый нами период не могли повлиять на разрешение непреодолимых противоречий в сфере монголо-китайских отношений. 12 сентября 1921 г. Народное правительство направило ноту официальным властям Соединенным Штатам Америки, в которой известило их о завоевании независимости и предложило установить равноправные дипломатические и торговые отношения между двумя государствами. Однако американские власти игнорировали это предложение и отказались признать независимость Монголии. Американская сторона относилась к монгольскому вопросу с позиции ограничения влияния Японии и России на Дальнем Востоке, сохранения территориальной целостности и административного единства Китая, роста торговли со странами Дальнего Востока и инвестиций в их экономику за счет ослабленных после Первой мировой войны держав¹⁶¹. Следует отметить, что Р. Болд постоянно заостряет внимание читателя в своей работе на том, что «американские интересы были сосредоточены исключительно на торговле», а также на том, что Сокобин имел целью только осуществление политики «открытых дверей» для обеспечения американских интересов. В таких условиях упомянутый американский дипломат в принципе не мог получить от своего правительства какие-либо полномочия для установления политических отношений с внешнемонгольскими властями. Вероятно, именно поэтому наиболее рациональным объяснением целей собственного визита в Ургу Сокобин избрал стремление «оказать посреднические услуги от имени Америки в монголо-китайском вопросе». Если же попытаться определить действительные задачи, которые стояли перед американским консулом, то можно прийти к общему выводу о том, что в сложившихся условиях его миссия во Внешней Монголии объективно носила исследовательский и разведывательный характер и

¹⁶⁰ История Китая с древнейших времен до начала XXI в. Т. 7., с. 91

¹⁶¹ Болд Р., Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США-Россия-Китай, 1910-1973, с. 114.

не преследовала действительного, сколько-нибудь последовательного и обоснованного политической волей правительства США стремления к посредничеству.

Что до советского руководства, то оно демонстрировало приверженность собственным политическим целям и поддерживало борьбу монгольского народа за независимость от Китая только до тех пор, пока эта борьба соответствовала его интересам. В правительстве РСФСР и в Коминтерне, безусловно, учитывали всю сложность проблем, которые в 1921 г. сложились в сфере советско-китайских отношений. При этом позиция советского политического руководства состояла в том, что отделение Монголии от Китая, фактическое содействие которому Советская Россия начала оказывать с 1921 г., не должно было стать непреодолимой преградой к установлению официальных дипломатических отношений между РСФСР и Китайской Республикой. Кроме того, в подходах советских лидеров к монгольскому и китайскому вопросам заявило о себе и стремление к развертыванию «мировой революции». По их мнению, отделение Монголии от Китая и панмонгольское движение не должны были затормозить развитие общекитайского революционного процесса¹⁶². К сказанному следует добавить, что в советских политических кругах существовали разные подходы к монгольскому вопросу. НКВД полагал этот вопрос частью будущих отношений с Китаем и не считал проблему стремления монголов к независимости первостепенно значимой для советских интересов на Дальнем Востоке. Исполком Коминтерна придерживался иной точки зрения о том, что революция в Монголии должна стать частью общего процесса «революционизации» Дальнего Востока¹⁶³. При этом обе эти точки зрения в равной степени исключали выработку такого подхода к проблеме статуса Внешней Монголии, которая могла бы стать приемлемой в качестве позиции посредника в отношениях между ургинскими властями и Северным китайским правительством.

¹⁶² С. Г. Лузянин, Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг., с. 118; 133.

¹⁶³ Там же, с. 118.

14 декабря 1921 г. из Москвы в Пекин был направлен специальный представитель правительства РСФСР А. К. Пайкес. Программа его переговоров с китайскими властями по монгольскому вопросу строилась на тройственной «методике», т.е. предполагала обсуждение трех главных пунктов – участие монгольских представителей в решении вопроса о статусе Внешней Монголии, российское посредничество в отношениях между монгольской и китайской сторонами и автономию Внешней Монголии в составе Китая¹⁶⁴. Программа была составлена в Москве в период советско-монгольских переговоров (речь о которых пойдет в дальнейшем) при непосредственном участии наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, упоминавшегося ранее Б.З. Шумяцкого и самого А.К. Пайкеса. Советское руководство рассчитывало через Пайкеса найти с Китаем приемлемую форму существования Внешней Монголии – автономную, при этом не теряя завоеванных позиций, сохранив там свои войска и политико-идеологическое влияние. Вместе с тем, как полагает С.Г. Лузянин, авторы советской позиции на переговорах с Северным пекинским правительством в полной мере не учли того обстоятельства, что Китай, несмотря на внутренние распри, не намерен в принципе воспринимать советский подход в решении монгольского вопроса¹⁶⁵. К тому же А. К. Пайкес, отправляясь в Пекин, был в какой-то степени заранее обречен на неудачу, так как имел тактически неверную установку Москвы на «замалчивание» советско-монгольского соглашения, которое было подписано в Москве в ноябре 1921 г. (его содержание будет подробно описано нами в дальнейшем).

Первые донесения из Пекина подтвердили общие опасения. Так, в телеграмме Г. В. Чичерину от 27 декабря 1921 г. сообщается, что А. К. Пайкес сделал заявление представителю китайской стороны Чжан Цзолиню о том, что «войска из Монголии не будут выведены до урегулирования взаимоотношений с нею китайского правительства»¹⁶⁶. В январе 1922 г. Пайкес сообщил, что на него

¹⁶⁴ С. Г. Лузянин, Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг., с. 131.

¹⁶⁵ Там же, с. 132.

¹⁶⁶ Там же, с. 132.

обрушилась волна обвинений, связанных с тем, что до Китая дошли сведения об упомянутом выше советско-монгольском соглашении. Несмотря на мощное давление Пекина, А. К. Пайкес до конца боролся за реализацию московских инструкций. В течение февраля-июля 1922 г. у него шел долгий и мучительный спор с представителями китайского МИД о «суверенитете Монголии» или «сюзеренитете Китая над Монголией»¹⁶⁷. Одновременно он пытался обсудить ряд других вопросов – проблему КВЖД, китайских долгов царской России, но монгольский вопрос предопределял общий ход переговоров и без его предварительного решения Пекин отказывался обсуждать другие темы. Таким образом, принципиальные расхождения между китайской и российской сторонами по проблеме административно-политического статуса Внешней Монголии в начале 1920-х гг. во многом стали камнем преткновения на пути установления официальных дипломатических и торговых отношений между РСФСР и Китайской Республикой.

В целом же, внешнеполитического положение, в котором оказалось Народное правительство, после того, как оно пришло к власти в Урге, объективно подвигало его к всемерному расширению связей с Советской Россией. Это было так уже хотя бы потому, что другие страны не признавали это правительство легитимным, и тем более не собирались оказывать ему поддержку. Вполне понятно то огромное значение, которое новые монгольские власти придавали первому визиту сформированной ими официальной делегации в Москву осенью 1921 г. Делегация была весьма представительной: председатель ЦК МНП, вице-премьер, министр финансов С. Данзан (глава делегации), главком и военный министр Д. Сухэ-Батор, заместитель министра иностранных дел Б. Цэрэндорж, князь Эрдэни Чжонон-ван Ширнэндамдин (доверенное лицо Богдо-гэгэна)¹⁶⁸.

О жизни и деятельности первых двух политических деятелей мы упоминали в предыдущей главе. Вместе с тем, в контексте проблем, рассматриваемых нами в данном разделе работы, заслуживает внимания то, как Данзана и Сухэ-Батора,

¹⁶⁷ Там же, с. 132.

¹⁶⁸ История Монголии. XX век., с.66.

как, впрочем, и остальных членов монгольской делегации, охарактеризовал Б.З. Шумяцкий. 19 октября 1921 г. он писал Г.В. Чичерину: «Данзан, минфин и Пред. ЦК Нарпартии. Человек, несомненно, нашей ориентации, плебей, был мелким чиновником. Осенью 1920 г. был у Вас в составе 1 делегации, в качестве ее руководителя. Человек не особо широкого размаха, но верный делу национально-революционного движения. Как минфин, будучи человеком малого кругозора – не на месте. 2) Сухэ-Батор – главком и военмин. Храбрый и настойчивый, пользуется несомненной популярностью среди народа. Но не без странностей, за последнее время у него пошли какие-то нелады с Бодо, и поэтому стало необходимым дать Сухэ-Батору немного проветриться. Человек нашей ориентации. 3) Цэрэн Дорчжи (так в цитируемом тексте. – Д.Т.) – замминдел. Это старейший и наиболее развитый монгольский чиновник-реформатор. По матери он монгол, по отцу – китаец. По-китайски и монгольски весьма образованный чиновник. Автор нескольких книг на монгольском языке. Цэрэн Дорчжи является душой всей государственной, организационной работы. Он плебейского происхождения и занимал при автономном правительстве должность министра иностранных дел. Одно время его в нарправительстве считали китаефилом и участником ликвидации автономии, но я проверял и узнал, что маленький Сюй (Сюй Шучжэн. – Д.Т.) обрушился с репрессиями в первую очередь на Цэрэн Дорчжи. Кроме того, перед приходом Унгерна, китайцы таскали его по тюрьмам. С хутухтой отношения не важные. Он определенно ориентируется на нас. 4) Эрдэван-Ширнин Дамдин, неофициальный член делегации и представитель Хутухты. Один из умных дипломатов. Его считают китаефилом. Его роль – быть «оком» Хутухты в Советской России. С остальными членами он не дружит, его рассматривают как чужака»¹⁶⁹. Оценки Б.З. Шумяцкого показывают определенную «плюралистичность» состава делегации. Она представляла собой объединение старых и новых чиновных кадров, которое, как кажется, в известной

¹⁶⁹ С. Г. Лузянин, Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг., с. 117-118.

степени отражало соотношение политических сил, сложившееся в тот период в сферах внешнемонгольской власти.

Неопределенность статуса Внешней Монголии в советско-китайских отношениях, возросшая после июльских событий 1921 г., когда сменилась власть внутри страны, вызвала острую политическую борьбу в советском руководстве по вопросу о дальнейшей целесообразности поддержки монгольского правительства и заключения с ними соглашения. С точки зрения ее геополитических целей, Советской России необходимо было закрепить результаты революции 1921 г. официальным признанием новой «красной» монгольской власти. Вместе с тем, выше мы уже упоминали о том, в плане задач, стоявших перед советской дипломатией в Китае, это соглашение было крайне невыгодно, так как оно существенно осложняло и без того запутанную проблему установления официальных отношений с пекинским правительством.

Основным «двигателем» и вдохновителем идеи заключения соглашения с монгольским правительством был Б.З. Шумяцкий, который сразу по приезде монгольской делегации в Москву в октябре 1921 г. развернул энергичную деятельность и агитацию среди советского руководства за официальное признание Монголии. Однако его аргументы о значении Внешней Монголии для России наталкивались на неприятие частью работников НКВД (Л.М. Карахана, А.А. Иоффе и др.), открыто заявлявших о принципиальной невозможности накануне начала переговоров с властями Китайской Республики «выскакивать» с сепаратным соглашением, заключенным с ургинским правительством¹⁷⁰. В течение октября 1921 г. состоялось три заседания специально созданной комиссии в рамках НКВД и Исполкома Коминтерна, на которых бурно обсуждалась эта проблема. Г.В. Чичерин, высоко ценивший Б.З. Шумяцкого и доверявший его компетентности в монгольских делах, склонялся к поддержке подписания соглашения. Другой веский аргумент в пользу заключения соглашения был связан с геополитическим значением Монголии для Советской России в тот период, да и

¹⁷⁰Там же, с. 118.

в будущем тоже. Так, Г.В. Чичерин в письме В. И. Ленину от 18 октября 1921 г. писал: «Революционное правительство (Монголии) есть в наших руках очень крупный козырь. Его создание совершенно опрокинуло японские планы установления контрреволюционного фронта от Тихого океана до Каспийского моря. Наши границы на громадном протяжении вполне безопасны, будучи прикрыты дружественной Монголией»¹⁷¹.

В результате дискуссий переговоры о заключении соглашения с Монголией, все же, были назначены. Председателем Российской делегации был назначен С.И. Духовский, заведующий Дальневосточным отделом НКВД, членом делегации – Б.Ф. Гец, сотрудник экономическо-правового отдела НКВД. Секретарь делегации – референт НКВД Л.Е. Берлин, переводчик – Очиров. Что касается Б.З. Шумяцкого, то он отказался от официального представительства на переговорах, действуя как бы «за кулисами», но фактически проводя огромную работу по проработке в советских государственных структурах частных вопросов – от получения миллионного кредита серебром для монголов до размещения заказа на печатание монгольских денег.

Всего в ходе советско-монгольских переговоров состоялось 5 заседаний: 26, 28, 30, 31 октября и 5 ноября¹⁷². Главным событием на первом заседании явилось вручение Данзаном Духовскому «Декларации Монгольского правительства». Это был весьма примечательный документ, свидетельствовавший о том, что монгольская делегация имела свою твердую позицию по основным вопросам, которые предстояло обсудить. Обратимся к главным тезисам декларации: «Основным вопросом для нас, монголов, является вопрос объединения всех монгольских племен, освобождение нашего народа от китайского ига, создание независимого Монгольского государства... Убедительно просим немедленного посредничества при переговорах с Китаем Великою РСФСР... Прежние договоры утратили силу. Народное правительство считает своевременным... начать переговоры о заключении нового договора торгового характера, отвечающего

¹⁷¹ Там же, с. 119.

¹⁷² Россия и Монголия. Новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке, с. 74.

духу времени... Танну-урянхайский народ в течение более 200 лет находился в ведении Улясунтайского военного губернатора. Другие хошуны этого народа управлялись и платили подати пяти халхаским хошунам. Царское правительство принялось за колонизацию Урянхая во время царствования последнего цинского императора. После 1911 года... фактически власть Монголии распространилась на Танну, но царское правительство объявило Урянхай не имеющим никакой связи с Монголией... Просим отдать предписание о невмешательстве в дела Монгольской краевой власти по управлению Урянхайским краем, бесспорно принадлежащим Монголии. Народное правительство Монголии считает Урянхайский край неотъемлемой частью Монгольского государства... Если объединиться с бурятами..., то выгоды для монгольского народа очевидны. Но нет иллюзий на присоединение бурят. Народное правительство стремится, чтобы вопрос о частичной эмиграции бурят на территорию Халхи разрешился благоприятно...»¹⁷³. Далее в меморандуме содержались просьбы о бесплатной передаче телеграфных линий, построенных в Монголии Россией, о заключении соглашения по почтовой связи, о поставках оружия, о финансовой помощи.

Сразу же возникли острые моменты, по которым не было единства во взглядах сторон. Обнаружились определенные расхождения, касавшиеся ряда вопросов, поднятых делегацией ургинского правительства. К числу таких вопросов относились перспективы объединения всех монгольских племен, проблема статуса Танну-Урянхая и возможность эмиграции бурят из России в Монголию. Вскоре к ним добавился еще и вопрос о концессиях. В редакции, предложенной советскими представителями, способом решения этого вопроса должен был стать отказ России от прежних концессий, но с сохранением за ней преимущественного *права третьей стороны*¹⁷⁴. Обсуждение этих вопросов, конечно же, было весьма непростым.

¹⁷³ Там же, с. 74.

¹⁷⁴ *Третья сторона* – предполагаемые субъекты материальных правоотношений, взаимосвязанных со спорным правоотношением, являющимся предметом судебного разбирательства, вступающие или привлеченные в начавшийся между первоначальными сторонами процесс с целью защиты своих субъективных прав либо охраняемых законом интересов. Основной признак третьего лица: связь с одной или обеими сторонами правоотношения, определенная юридическим образом. Третье лицо выступает как исполнитель обязательств и

Ответ российской делегации на монгольский меморандум, зачитанный С. И. Духовским на втором заседании, был такой: российское правительство уверено, что «результатом настоящих переговоров будет укрепление братских отношений между обоими народами путем заключения Соглашения об установлении дружественных взаимоотношений между Россией и Монголией... Российская делегация уверена, что...переговоры свободной Монголии с Китайской Республикой при посредничестве Рабоче-крестьянского правительства России...приведут к скорейшему устранению препятствий, стоящих на пути установления мирных и деловых отношений между китайским и монгольским народами... Можно не сомневаться, что вопросы экономических взаимоотношений между Россией и Монголией будут разрешены в ходе переговоров благоприятно... Предложение Монгольской делегации по Урянхайскому вопросу отвечает мирным стремлениям трудящихся России, а также предложение Монгольской делегации о предоставлении бурятам, состоящим в Русском подданстве, возможности свободного переселения в случае их желания в пределы Монголии. Россия готова оказать посильное содействие в развитии почтово-телеграфной связи..., в развитии народного хозяйства и защите интересов трудящихся Монголии»¹⁷⁵.

Как можно увидеть, российская сторона стремилась сгладить острые углы и сосредоточиться на том, в чем нет расхождений. Данзан расценил это по-своему и заявил, что, как он понял, вопрос об объединении всех монгольских племен и образовании независимого Монгольского государства российская делегация решает в пользу монголов. Затем он вручил российской делегации монгольский проект договора между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии. Духовский в свою очередь заверил, что проект будет внимательно изучен и на последующих заседаниях детально рассмотрен¹⁷⁶.

контролирует исполнения обязательств других двух сторон <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/341313>
https://normative_reference_dictionary.academic.ru/80351/ Дата обращения – 28. 05. 2018.

¹⁷⁵ Россия и Монголия. Новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке, с. 75.

¹⁷⁶ Там же, с. 75.

На третьем и четвертом заседаниях состоялось постатейное обсуждение проекта. Духовский сразу заявил, что монгольский проект «вполне приемлем по существу». На третьем заседании некоторую дискуссию вызывала лишь статья о российско-монгольской границе. В проекте указывалось, что граница определяется на основе прежних российско-китайских договоренностей по пограничным вопросам. Российская делегация предложила (и с этим согласились монгольские представители), учитывая международные факторы, не форсировать решение данного вопроса и создать особую комиссию по уточнению границы.

На четвертом заседании большое внимание было уделено согласованию позиций по статье о судопроизводстве в отношении монгольских граждан в России и российских граждан в Монголии, о взаимных правах и обязанностях. Но споры возникли главным образом вокруг экономического вопроса, поднятого С.И. Духовским, - о концессиях иностранных государств на монгольской территории. Духовский предлагал обсудить пункт об отказе от концессий и о признании за Советской Россией права третьей стороны Данзан был против этого пункта.

Были очевидны и расхождения в позициях сторон по урянхайскому вопросу. Монгольская сторона стремилась узаконить свои претензии на Туву. Российская сторона предлагала не торопиться, исходя из того, что целесообразно подождать, пока будет больше определенности и стабильности в регионе. В результате статья о Туве не была включена в соглашение.

В целом монгольский проект стал основой совместно выработанного соглашения. Правительство РСФСР признало единственно законным правительством Монголии Народное правительство, а последнее признало единственно законной властью России Правительство РСФСР.¹⁷⁷ Условиями соглашения было подтверждено, что все прежние договоры, заключенные между царским правительством России и бывшим правительством автономной Монголии, утратили силу. Аннулировался и долг Монголии царской России на

¹⁷⁷ Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921-1924 гг.: Документы, с. 188.

сумму около 5 млн. рублей¹⁷⁸. Равным образом, стороны договорились об установлении дипломатических и консульских отношений, об обмене полномочными представителями. Преамбула, а также статьи проекта о почтово-телеграфных сношениях, об общих правах и обязанностях граждан сторон, о порядке торговли российских граждан на территории Монголии, о правах российских граждан, владеющих в Монголии постройками или участками земли, о судопроизводстве были уточнены, конкретизированы и в развернутом виде отражены в соответствующих статьях. Перечисленные договоренности отражены в 4,5,7-10,12 статьях советско-монгольского соглашения:

«Статья 4. Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики посылает своего полномочного представителя в столицу Монголии и своих консулов в города: Кобдо, Улясутай и Алтан-Булак и др. по соглашению с Народным правительством Монголии.

Статья 5. Народное правительство Монголии посылает своего полномочного представителя в столицу Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, а также своих консулов в пограничные округа России по соглашению с правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Статья 7. Граждане каждой из договаривающихся сторон, пребывающие на территории другой стороны, пользуются правами и несут обязанности наравне с пребывающими там гражданами наиболее благоприятствуемой страны.

Статья 8. Судебная власть каждой из договаривающихся сторон будет распространяться как в делах гражданских, так и уголовных на находящихся на ее территории граждан другой договаривающейся стороны, руководствуясь высокими принципами цивилизации и гуманности...

Статья 9. Граждане обеих договаривающихся сторон при ввозе и вывозе из пределов другой страны товаров, предназначенных для торговли, уплачивают установленные законами страны пошлины с тем, что таковые не должны

¹⁷⁸ Россия и Монголия. Новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке, с. 77.

превышать пошлин, взимаемых за ввоз и вывоз тех же товаров с граждан наиболее благоприятствуемой страны.

Статья 10. Российское Советское правительство, идя навстречу мудрым мероприятиям Народного правительства Монголии в деле организации независимого от захватнических тенденций мирового империализма почтово-телеграфного обмена, необходимого для культурного развития трудящихся масс Монголии, безвозмездно передает в полную собственность монгольского народа принадлежащие Российской Республике и находящиеся в пределах Монголии здания телеграфных контор с имеющимися в них телеграфным оборудованием),

«Статья 12. Народное правительство Монголии заявляет о признании за российскими гражданами, владеющими в Монголии участками земли или постройками, тех же прав владения, аренды, занятия участков под постройки и применения тех же способов взыскания налогов, арендной платы и иных платежей в тех же размерах, какие признаны и применяются или будут признаны и будут применяться в отношении граждан наиболее благоприятствуемого государства»¹⁷⁹.

Вызванный поначалу дискуссию вопрос о концессиях был решен в соответствии с предложениями советской стороны. Последняя официально заявила о своем отказе от всех экономических привилегий, нашедших выражение в концессиях, полученных царским правительством для себя и своих подданных от правительства автономной Монголии. Народное правительство Монголии, со своей стороны, обязалось, что при передаче этих концессий новым концессионерам за правительством России сохраняется право третьей стороны. Еще одним результатом переговоров стало решение правительства РСФСР о выдаче монгольскому правительству беспроцентной ссуды в 1 млн. рублей банковым серебром или серебром слитковым. Ссуда выдавалась с 1 января 1922 г. на четырехлетний срок. Монгольское правительство обязывалось произвести полное погашение ссуды по частям в течение 4 лет, причем вся сумма ссуды

¹⁷⁹ Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921-1924 гг.: Документы, с. 188-190.

возвращалась продуктами монгольского народного хозяйства. Также, обе стороны договорились о создании специальной комиссии по установлению государственной границы между Россией и Монголией¹⁸⁰. Дополнительно в советско-монгольское соглашение была включена статья о недопущении каждой стороной образования или пребывания на своей территории организаций или групп, враждебных другой стороне¹⁸¹.

5 ноября состоялось подписание соглашения между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией, а также двух дополнительных протоколов – об отказе правительства РСФСР от концессий и экономических привилегий царского правительства и о сотрудничестве в области судопроизводства. Позже, 24 ноября, был подписан третий протокол – о предоставлении правительством РСФСР правительству Монголии ссуды в 1 млн. рублей. Протоколы не подлежали опубликованию. Стороны, очевидно, не желали афишировать некоторые тонкости своих отношений.

На момент его подписания советско-монгольское соглашение, безусловно, имело весомое и многоплановое политическое и международно-правовое значение. С точки зрения России, соглашение с Монголией было одним из свидетельств тому, что советские власти постепенно выходили из международной изоляции, налаживались их первые международные контакты. В 1921 г. ими были подписаны соглашения с Ираном, Афганистаном, Турцией, торговые соглашения с Великобританией, Германией. При всей специфике связей с Монголией, соглашение с ней находилось в той же цепи событий. Оно было важно для Советской России еще и с точки зрения укрепления политических позиций в Восточной Азии и безопасности государства, восстановления традиционных экономических связей с Монголией, а также важно с точки зрения перспектив развития отношений в треугольнике Россия – Монголия – Китай. Но, разумеется, неизмеримо большее значение упомянутые нами соглашение и протоколы имели

¹⁸⁰ Россия и Монголия. Новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке, с. 77.

¹⁸¹ Там же, с. 78.

для Монголии. Значимую роль играли экономические статьи, особенно списание долгов и предоставление кредита. Развитие политического и экономического сотрудничества с Советской Россией позволяло Народному правительству сохранить и упрочить свои властные полномочия и начать строить планы по глубокому реформированию традиционной монгольской общественной жизни.

Вместе с тем, оценивая значение первого советско-монгольского соглашения для становления и развития независимого государства с центром в Урге, следует обратить внимание еще на одно принципиально важное обстоятельство. В тексте соглашения советская сторона взяла на себя обязательство признать Народное правительство единственным законным субъектом власти во Внешней Монголии, но не гарантировала этому правительству полномасштабного юридического признания его государственного суверенитета. Тем самым, вопреки стремлениям монгольской стороны, советское политическое руководство в 1921 г. не ставило перед собой задачи немедленного и определенного решения сложной проблемы суверенитета Монголии. Советская Россия, объективно заинтересованная в развитии независимой от Китая и дружественной ей Монголии, в то же время не могла не учитывать чрезвычайную сложность международной обстановки на Дальнем Востоке и во всем мире, отношения с официальным Пекином, переплетение интересов многих стран в регионе Центральной Азии и в связи с этим – необходимость проведения гибкой, осторожной политики со всеми возможными отступлениями.

С заключением советско-монгольского соглашения внешнеполитическое положение Внешней Монголии упрочилось, однако все же оставалось весьма сложным и противоречивым. Ее международный статус сохранил те же черты неопределенности, что и в 1911 – 1919 гг., в предшествующий период монгольской истории. Новое Народное правительство провозгласило независимость от Китая, но эта независимость по-прежнему не признавалась ни официальным Пекином, ни иными государствами-участниками тогдашней системы международных отношений. Де-юре Внешняя Монголия оставалась

частью Китая, хотя де-факто она с 1921 г. она при помощи Советской России начала укреплять приобретенные ею в 1911 г. признаки независимости от пекинских властей. Началась длительная, упорная борьба за урегулирование отношений Монголии с Китаем и за ее широкое международное признание. Эта борьба растянулась на два с половиной десятилетия, вплоть до 1945-1946 гг.

Глава 4

Политические и социальные преобразования во Внешней Монголии в 1921-1924 гг.

Первые 3-4 года после перехода власти в руки революционных сил – особый, чрезвычайно сложный период в новейшей истории Монголии. Во внешнеполитическом плане – период явной неопределенности в международно-правовом статусе Монгольского государства. Новое правительство провозгласило отделение от Китая, однако независимость Внешней Монголии никем не была принята, даже – юридически – Советской Россией. Во внутривластном плане наступило время, когда делались первые, начальные шаги к осуществлению реформ – в экономике, культуре, общественных отношениях. Об этом подробно пишет С. Л. Кузьмин: «Одними из первых мероприятий Народного правительства после прихода к власти в июле 1921 г. была отмена проекта бывшего минфина о подушной подати в два лана с мужского населения как обременительной. Долги хошунов, аймаков и шаби торговым фирмам подлежали оплате лишь с разрешения центра. Отменили обычай обязательных пожертвований столичным монастырям во время большого годового собрания лам (10 тыс. человек), разрешались только добровольные пожертвования. Было отменено ежедневное бесплатное предоставление лошадей министрам, чиновникам и писцам центральных и провинциальных учреждений»¹⁸².

В 1921 г. объявили пережитком прошлого косы у мужчин, а затем у женщин. Премьер-министр нового правительства Д. Бодо инициировал постановление, по которому женщины должны были коротко остричь волосы, не носить жемчужные подвески, замужним женщинам рекомендовалось вместо громоздких традиционных причесок носить заплетенные косы, а серебряные заколки для волос не должны были превышать весом пять лан¹⁸³. Ревсомол выступал за стрижку кос, уменьшение размеров женских головных украшений, изменение одежды. В ответ князья и ламы начали агитацию о том, что ревсомол против

¹⁸² С. Л. Кузьмин, Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века, с. 237.

¹⁸³ Там же, с. 240.

вековых порядков и традиций. Богдо-гэгэн заявил, что «бескосники» лишаются божественного благословения. Этого оказалось достаточно, чтобы прекратить приток в союз новых членов. Тогда решили, что косы можно снимать добровольно.

Также в июле 1921 г. были упразднены княжеская юстиция и полиция, а вместо них созданы народный суд и милиция – органы нового государственного аппарата¹⁸⁴. Для укрепления своей власти и уменьшения власти Богдо-гэгэна Народное правительство 7 августа 1921 г. вынесло постановление, которым отменялось право непосредственного доклада Богдо-гэгэну сановников пограничных районов и командующих военными округами: теперь они могли докладывать только через правительство.

Одновременно с этим новыми властями были проведены первые мероприятия по ограничению влияния, которое буддийская церковь и чиновники, находившиеся на службе на прежних этапах административного устройства, продолжали оказывать на государственные дела. 3 августа 1921 г. Народное правительство отменило титул Самади-багши, дарованный Дилова-хутухте Джамсранжаву в цинский период. В ноябре оно приняло решение об изъятии грамот и печатей о присвоении званий и наград в период пребывания Унгерна в Монголии: Дуйнхор-да-ламы, Нойон-хутухты, Чин-Бишерельту-хутухты, номун-хана и др. 13 октября 1921 г. вышло постановление о том, как выделять шабинаров Богдо-гэгэна для отбывания улы (повинности по исполнению нарядов на казенный извоз)¹⁸⁵.

6 октября 1921 г. правительство постановило, что вопросы о церемониальных одеяниях «в главном богдо-ханском дворце и многочисленных высших лам Шабинского ведомства, приближенных сановников и т.д. решаются по усмотрению Богдо-хана. В отношении младших лам решение вопроса оставляется на их собственное усмотрение»¹⁸⁶. Министрам правительства

¹⁸⁴ Б. Лхамсурэн, Очерки монгольской народно-революционной партии, с. 72.

¹⁸⁵ С. Л. Кузьмин, Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века, с. 237.

¹⁸⁵ Там же, с. 240.

¹⁸⁶ Там же, с. 241.

разрешили приходить на службу в обычных монгольских халатах. Ношение перьев на шапках (знаков отличия) начиная от князей и кончая их слугами было отменено. 29 октября 1921 г. Богдо-гэгэн издал указ о восстановлении парадной формы чиновников. Однако 12 ноября ношение знаков различия в виде шариков на шапках и княжеских знаках почета отменили¹⁸⁷. Перечисленные нами мероприятия новых властей должны были сыграть важную социально-политическую роль в управлении страной, если учесть, какое большое значение придавалось церемониалу в Монголии при теократической монархии.

Вместе с тем, внутреннее положение новых властей во Внешней Монголии в начале 1920-х гг. оставалось сложным. В этом смысле основная проблема состояла в явном дефиците социальной поддержки, которой пользовались МНП и созданное правительство среди монгольского населения, особенно в отдаленных от центра регионах. К сентябрю 1921 г. партия насчитывала лишь около 100 человек в Урге и Алтан-Булаке и одну ячейку в 50-60 тыс. человек в провинции¹⁸⁸. Даже в северном районе Монголии под управлением уполномоченного МНП в Алтан-Булаке реальная власть была у хошунных князей, которые были почти самостоятельны. В их руках находились ключевые вопросы: сдача земель в аренду, сбор налогов и арендной платы¹⁸⁹. Поэтому в рассматриваемый нами период политическое руководство «красных монголов», стремясь заручиться поддержкой социальных низов, вместе с тем старалось избежать конфликта и с традиционными общественными верхами. Приведенные нами выше примеры ограничения административного влияния буддийских священнослужителей, представителей аристократии и «старых» чиновников носили скорее эпизодический характер и не перерастали в широкие политические кампании. Более того, по сообщению С.Л. Кузьмина, в сентябре-октябре 1921 г. проводились совещания «всех группировок населения Монголии» для создания «единого

¹⁸⁷ Б. Ширендыб, Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 80.

¹⁸⁸ С. Л. Кузьмин, Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века, с. 240.

¹⁸⁹ Там же, с. 240.

национального фронта для борьбы с внешним врагом и отстаивания государственных интересов Монголии»¹⁹⁰.

В 1923 г. монгольское правительство издало постановление «О дзасаках и служилых князьях». В нем было сказано, что враги народа, государственности и Желтой веры «распространяют заведомо лживые сведения о том, что якобы Народное правительство имеет своей целью уничтожение института княжества»¹⁹¹. Однако князья не подвергаются несправедливым гонениям и не лишаются титулов – более того: некоторые из них работают в народной власти. Устанавливалось, что все хошунные правители (дзасаки) подтверждаются в своих званиях и называются «дзасак-дарга». Вводился регламент деятельности дзасаков. Они могли быть наказаны за порочный образ жизни, уголовные преступления, эксплуатацию, нанесение вреда религии. Добровольно отказавшиеся от своей должности дзасаки переходили в разряд неслужилых потомственных князей, при этом правительство повышало их аристократический ранг на одну ступень. Если должность дзасак-дарги освобождалась, то назначался народный дарга, пользовавшийся теми же правами. Старший сын дзасак-дарги, вне зависимости от избрания или не избрания на должность, наследовал титул родителей. Дзасак-дарга не имел права решать дела единолично: они решались на хошунном народном собрании или чинами хошунного народного управления. На собрании председательствовал дзасак-дарга. Последнего могло судить министерство юстиции, а неслужилые князья и тайджи подлежали суду на общих с аратами основаниях. При отбывании наказаний никто из них не пользовался привилегиями¹⁹².

4 августа 1921 г. Б.З. Шумяцкий послал Г.В. Чичерину проект организации новой монгольской армии. С учетом этого, 5 августа вышло постановление Народного правительства об организации армии. Призыву подлежали лица с 19 лет, в том числе служившие в монгольских частях в старой армии, не подлежали –

¹⁹⁰ Там же, с. 240.

¹⁹¹ Б. Лхамсурэн, Очерки монгольской народно-революционной партии, с. 73.

¹⁹² Б. Ширендыб, Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 85-86.

ламы, приписанные к монастырям, как и до революции. Общая численность вооруженных сил Монголии на 1 мая 1922 г. составляла 3012 чел., включая личную охрану Богдо-гэгэна – 125 чел. В частях и подразделениях, расквартированных в западных регионах страны, отмечался высокий уровень дезертирства – до 1/3 всего личного состава¹⁹³.

Председателем Реввоенсовета Монголии (с сентября 1921 г. до отъезда в СССР в октябре 1925 г.), членом ЦК МНП и членом президиума Народного правительства, членом Великого и Малого хуралов стал Э.-Д. Ринчино, основные вехи биографии которого были описаны нами ранее. В сфере компетенции совета были практически все вопросы военного характера, а в прямом подчинении его председателя были главнокомандующий монгольской армией Д. Сухэ-Батор и военный министр Хатан-Батор С. Максаржав. После смерти Д. Сухэ-Батора в 1923 г. Ринчино сосредоточил в руках большую власть. Как уже говорилось, в составе монгольского руководства он считался левым – т.е. тем, кто стоял за коренные реформы, движение к социализму, усиление роли партии, полную ориентацию на Коминтерн и СССР.

В июле 1922 г. в Монголии была создана Государственная внутренняя охрана (ГВО) по образцу ВЧК в Советской России. С апреля 1923 по сентябрь 1925 г. начальником ГВО работал сторонник Ринчино – бурят К. К. Баторун¹⁹⁴. По словам С.Л. Кузьмина, эта правоохранительная структура находилась «в полном подчинении Военсовета или, вернее, в подчинении предвоенсовета Ринчино»¹⁹⁵. Как уже отмечалось ранее, ГВО играла большую роль в раскрытии заговоров против правительства. Она была одним из основных государственных институтов, обеспечивавших политико-административную устойчивость режима новой власти и находившихся под контролем и в тесной связи с советниками советского полпредства и Коминтерна.

¹⁹³ С. Л. Кузьмин, Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века, с. 245.

¹⁹⁴ Б. Лхамсурэн, Очерки монгольской народно-революционной партии, с. 72.

¹⁹⁵ С. Л. Кузьмин, Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века, с. 245.

В 1922-1923 гг. выходили правительственные постановления, направленные на уменьшение доходов церкви и ограничению ее влияния: 5 мая 1922 г. – об отмене «принудительных поборов с населения на религиозные цели»; 21 и 27 апреля, 19 мая, 5 июля – об уменьшении числа посланцев и расходов на церемонию *Бат-Оршил*¹⁹⁶ и другие ритуалы; 19 января 1923 г. – об ограничении числа лошадей для нужд институций Богдо-хана. 22 января – 2 февраля 1923 г. правительство разрешило использовать для привоза дров на празднества в монастырях только их собственные средства, отменив государственные ассигнования на эти цели, введенные в период автономии. 1 и 12 февраля 1923 г. вышло решение президиума ЦК МНП и указание МВД соответствующим организациям об удовлетворении запроса *парткома Великого шаби*¹⁹⁷ об уменьшении новогодних подношений буддийским монастырям, о сокращении расходов *шанцзотбы и да-ламы*¹⁹⁸ из шабинского фонда; 2 февраля – об отмене государственного жалования шанцзотбе и настоятелям монастырей; 5 апреля – о сокращении средств в 60 тыс. лан, которые по решению прежнего правительства должны были ежегодно выделяться из казны для Великого шаби; 24 мая – об упразднении некоторых привилегий лам и уравнивании их с лицами, которые нанялись на работу; 7 июня – об удовлетворении запроса парткома Великого шаби, чтобы монахи по желанию уходили в мир и трудились; 24 августа – о сокращении средств на ритуалы почитания гор Богдо-хан-ула, Отгон-Хайрхан-ула

¹⁹⁶Церемония Бат-Оршил – буддийский религиозный обряд, представляющий собой просьбу, адресованную хубилгану, «не покидать настоящее бренное тело, но жить для блага верующих и духовного руководства ими». <http://savetibet.ru/2011/11/04/bogdo-gegen.html>. Дата обращения - 28.05.2018.

¹⁹⁷ *Великое Шаби (Шабинское ведомство)* – административное ведомство, которое было создано для управления шабинарами Богдо-гэгэна в 1723 г. указом императора Юньчжэна (Горохова Г.С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII – начало XX в.. М.: Наука, 1980, с. 100). В Шабинском ведомстве в рассматриваемый период состояло до 150 тыс. человек. В 1922 г. новые власти назначили туда политкомиссара, при его управлении – *особый партком*. В течение 2 месяцев они взяли под контроль всю деятельность ведомства, аннулировали на сотни тысяч долларов все виды податей и сборов с «шабинских масс», которые под влиянием этих мер организовали свои партиячки. К ноябрю 1924 г. в ведомстве были комитет партии, 23 ячейки с 400 членами. В нем начали вести учет военнообязанных (С. Л. Кузьмин, Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века, с. 258).

¹⁹⁸ В 1754 г., чтобы вывести шабинаров из-под прямого управления Богдо-гэгэна, была учреждена должность *эрдэнэ-шанцзотбы*. Последний стал исполнять и должность его казначея. По замыслу цинского императора, это должно было уменьшить административную власть хутухты и, соответственно, его влияние на мирские дела. (Горохова Г.С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII – начало XX в.). М.: Наука, 1980, с. 100). *Шанцзотба* - управляющий казной хутухты; *да-лама* - должностное лицо при шанцзотбе, не принимавшее высших духовных обетов (Скрынникова, Т. Д., Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI-начало XX века, с. 97-10).

и Хан-Хэнтэй; 20 октября – о сокращении средств, выделяемых государством на Великое шаби¹⁹⁹.

Однако несмотря на существенное сокращение государственных ассигнований, ранее выделявшихся буддийским монастырям, в 1921-1924 гг. определенные средства для церковных нужд государство все же выделяло. Так, 25-й пленум ЦК МНП 7 июня 1924 г. издал постановление о том, что выделение средств из казны государства для проведения хуралов, чтений, ремонтов дворцов и монастырей, кухни, obsługi Богдо-гэгэна надо проводить в соответствии с численностью людей четырех аймаков и шаби²⁰⁰. Участие государства в делах церкви состояло не только в расходах на двор Богдо-гэгэна и на буддийские монастыри, но и в назначении духовных лиц на некоторые административные церковные должности. 30 июля 1922 г. правительство наградило *ёнзон-хамбо*²⁰¹ Лувсанхаймчига тем, что закрепило за ним определенное место во дворце правительства на дни праздничных мероприятий. 25 августа 1922 г. МВД направило предложение в правительство о том, чтобы все чиновники со своими семьями по старому порядку участвовали в церемонии *даншиг*²⁰².

8 июля 1923 г. новым правительством было утверждено положение о Шабинском ведомстве. В нем были созданы органы местного самоуправления «на выборных началах из представителей народа» – с равенством выборных прав независимо от положения в светской и духовной иерархиях, с регламентацией выборов и управления, а также с определением функций эрдэнэ-шанцзотбы при жесткой привязке его отчетности народному правительству. Таким образом, особое внимание уделялось мерам по взятию под правительственный контроль шабинских структур и уменьшению власти теократии над ними²⁰³.

¹⁹⁹ Революционные мероприятия народного правительства Монголии, с. 103, 105, 113-114, 172-175.

²⁰⁰ С.Л. Кузьмин. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века, с. 246-247.

²⁰¹ *Ёнзон-хамбо* – во Внешней Монголии первое лицо монастыря, причем должность эта существует только в крупных монастырях. Ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг являлся учителем Богдо-гэгэна VIII.

²⁰² *Даншиг Наадам* в Монголии проводится как второй общенациональный праздник Наадам, но, в отличие от главного Наадама, носит более религиозный характер. Даншиг Наадам отмечался монголами до революции 1921 г. как главный Наадам и праздник единения всех монголов. Даншиг Наадам впервые был организован в 1639 г. в честь провозглашения Занабазара главой буддийской религии во всей Монголии, первым Богдо-гэгэном - <http://asiarussia.ru/buddhism/8373/>. Дата обращения – 28.05. 2018.

²⁰³ С.Л. Кузьмин. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века, с. 246.

Помимо этого во 2-й главе мы уже упоминали о том, что в 1922 г. премьер-министром Монголии был назначен один из высших буддийских иерархов Джалханцза-хутухта Дамдинбазар. Поводом к его назначению, помимо прочих обстоятельств, описанных нами ранее, стало стремление нового монгольского политического руководства и связанных с ними представителей Коминтерна и правительства Советской России к тому, чтобы рассеять слухи о наступлении новой власти на религию. Данное обстоятельство имело особую важность в свете того, что духовные князья распространяли слухи о якобы имевшем место вмешательстве Народного правительства в религиозные дела²⁰⁴. 16 июня 1923 г. Дамдинбазар как премьер-министр издал документ о том, что цель – освобождение народа от угнетения, защита государственности, власти и религии, а в делах государства надо считаться с критикой «снизу»²⁰⁵.

В 1923 г. Монголия и РСФСР заключили торговое соглашение. Учитывая то обстоятельство, что на рынке Монголии продолжал господствовать иностранный, прежде всего китайский капитал, практически не поддававшийся контролю со стороны ее официальных властей, правительства двух стран договорились о том, чтобы советские торговые организации работали на территории Монголии. В соответствии с соглашением начали функционировать монгольские представительства «Сибгосторга», «Центросоюза» и других советских государственных и кооперативных коммерческих структур. Параллельно этому в июне 1924 г. в Урге был создан Промышленный торговый банк Монголии, открылись его отделения в Кобдо, Улясутае, Алтан-булаке. Необходимо отметить, что в дирекцию банка входили в основном русские специалисты и только один монгол. Монгольский историк Баабар отмечает, что в финансовой сфере банк имел монопольный статус, его акционерами были, с одной стороны, правительство Монголии, а с другой – Государственный банк и Народный комиссариат финансов Советской России. Также в обращение монгольским

²⁰⁴ Там же, с. 241.

²⁰⁵ Там же, с. 248.

правительством была пущена национальная валюта – *тугрик*²⁰⁶. Эмиссия этой денежной единицы подчинялась тем же правилам, что и выпуск в обращение *червонца в Советском Союзе*²⁰⁷. Обеспечением стоимости тугрика стали активы, предоставленные Монголии СССР²⁰⁸.

23 июня 1923 г. скончался премьер-министр Джалханз-хутухта. Э.-Д. Ринчино выдвинул кандидатом в премьер-министры очередного представителя буддийского клира «обновленца»²⁰⁹ Дарав-пандита-хутухту из западной Монголии. Однако в итоге выбор членов ЦК МНП и связанных с ними советских политических советников пал на светского государственного и политического деятеля Б. Цэрэндоржа²¹⁰. С. Л. Кузьмин пишет о том, что «старика Б. Цэрэндоржа выбрали, несмотря на его бурное политическое прошлое: службу сторонникам автономии, независимости, китайцам, красным. Против кандидатуры Дарав-пандиты были ЦК МНП и ЦК ревсомола»²¹¹.

5 октября 1923 г. Народное правительство приняло «Правила Государственного Хурала о конституционной монархии народной Монголии» и

²⁰⁶ 100 китайских долларов по установленному монгольским правительством официальному обменному курсу равнялись 90 монгольским *тугрикам*. В связи с традициями монгольской системы денежного обращения, сложившейся в цинский период под китайским влиянием, денежные знаки имели круглую форму, поэтому монгольскую валюту называли тугрик, что означало круг, круглый. (Баабар, История Монголии: от мирового господства до советского сателлита, с. 246).

²⁰⁷ 11 октября 1922 года Совет народных комиссаров РСФСР принял декрет "О предоставлении Государственному банку права выпуска банковых билетов". С 27 ноября 1922 года началось поступление в обращение банкноты номиналом в 1, 3, 5, 10 и 25 *червонцев*. Банковский билет номиналом в один червонец приравнялся к 10 рублям в золотой монете царской чеканки образца 1896-1911 годов. Червонцу присваивалось золотое содержание в размере 1 золотника и 78,24 доли чистого золота. Для гарантии их устойчивости новые денежные знаки на 25% обеспечивались запасами золота и других драгоценных металлов, а в остальной части - иностранной валютой, векселями и товарами <https://ria.ru/spravka/20121127/911895570.html>. Дата обращения - 28.05.2018.

²⁰⁸ Баабар, История Монголии: от мирового господства до советского сателлита, с. 246.

²⁰⁹ «Обновленческое» движение в буддийской церкви – призывы к обновлению религиозной практики в Монголии. Началом "обновленчества" в XX в. считают брошюру "Ард тумний ариун ёс" (Чистые традиции народа), изданную в 1922 г. Дарав-пандита- хутухтой VI Агванчойнжурдондовом. В ней содержалась критика аристократов, которые стали думать больше о себе, чем о народе, указывалось на необходимость отказа от привилегий князей, сокращения числа монахов. По мнению автора брошюры, в концепции МНП есть сходство с религией: надо думать о других и помогать им, не быть эгоистом; МНП – хорошая партия, потому что она, в отличие от нойонов и лам, не подавляет людей. Позже "обновленцы" приняли платформу за "очищение буддизма", упразднение штатных должностей, устранение роскоши в монастырях, пресечение покупки ламских ученых званий и т.п. (С. Л. Кузьмин, Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости, с. 328-329).

²¹⁰ Балингийн Цэрэндорж – родился в семье шабинаров, относящихся к Шабинскому ведомству Богдо-гэгэна. Он свободно разговаривал на маньчжурском, китайском и русском языках. В 1885-1911 гг. служил переводчиком при маньчжурском суде. После революции 1911 г. работал в министерстве иностранных дел, в 1913 г. был назначен заместителем министра и вскоре стал возглавлять министерство. В 1914-1915 гг. принимал участие в Кяхтинской конференции.

²¹¹ С.Л. Кузьмин. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века, с. 252.

«Положения об образовании Государственного Хурала». Эти правила и положения определяли Великий Государственный Хурал как инструмент высшей государственной власти, а также определяли его привилегии, правила созыва сессий и правила проведения дебатов²¹². Тем самым в Монголии на законодательном уровне был создан прообраз представительных органов государственной власти, которые, в целом, по структуре, статусу и месту в политической системе копировали советские образцы. В 1923-1924 гг. были проведены местные административные реформы. Четыре аймака и 116 хошунов, которые имели названия, соответствовавшие титулам прежде управлявших ими представителей монгольской аристократии, были переименованы в соответствии с названиями наиболее примечательных географических объектов, находившихся на территории каждого из них²¹³.

Наверное, одним из самых важных событий, произошедших в Монголии в 1924 г., стала смерть Богдо-гэгэна VIII. Теократический монарх скончался 20 мая 1924 г. Пленум ЦК МНРП, собравшийся сразу же после его смерти, принял резолюцию об упразднении монархии, о создании Народной республики и о передаче прерогатив власти Великому Государственному Хуралу²¹⁴. В тексте этой резолюции, приведенном в работе Б. Ширендыба, в частности, содержались следующие положения: «1. Перенести печать Богдо-хана в здание правительства для хранения.

2. Ввести в стране республиканский строй без президента, как главы государства, передав всю верховную власть Великому Народному Хуралу и избираемому последним правительству.

3. Праздновать годовщину Монгольской Народной Республики одновременно с годовщиной образования Монгольского государства в 6 день 6 луны каждого года.

²¹² О. Батсайхан, Монгол ундэстэн бурэн эрхт улс болох замд (1911-1946), х. 168.

²¹³ Там же, с. 168.

²¹⁴ История Монголии. XX век, с. 73.

4. *Год правления «Многими возведенного»*²¹⁵ (курсив наш. – Д.Т.) переименовать с того же числа в год «Монгольского государства», продолжая его с сего 14 года. Поручить Министерству внутренних дел обнародовать это решение и разослать всем уполномоченным правительства»²¹⁶.

В соответствии с резолюцией пленума ЦК МНРП, 13 июня 1924 г. правительство Внешней Монголии издало указ о создании Монгольской Народной Республики. 19 июня 1924 г. министр иностранных дел МНР А. Амар передал копию этого указа А. Н. Васильеву, полномочному послу СССР в Монголии²¹⁷. Монгольский историк О. Батсайхан пишет о том, что «с одной стороны, отмена конституционной монархии может показаться естественным следствием смерти Богдо-гэгэна. Однако более тщательный анализ показывает, что с точки зрения концепции национального демократического развития, отмена конституционной монархии явилось ужасным событием, которое позволило представителям Коминтерна, таким как Э.-Д. Ринчино и М. Амгаеву, стать членами Великого Государственного Хурала и распространять свои «левые» идеи на партию, правительство и ВГХ»²¹⁸. Иначе интерпретирует эти события отечественный автор С. К. Рошин. Он по этому поводу отмечает следующее: «В 1924 году произошел переход от монархии к республике, крутой поворот к общедемократической программе, сдвиг в сторону некапиталистического пути развития. Смерть Богдо-гэгэна в мае 1924 г. повлекла за собой глубокие изменения во всей внутривластной жизни страны. Произошел резкий сдвиг влево всего политического спектра»²¹⁹.

К концу октября 1924 года правительство приняло постановление №39 об образовании комиссии по созданию проекта Конституции во главе с премьер-министром Цэрэндоржем. Помимо него в состав комиссии входили *Элбэгдорж*²²⁰,

²¹⁵ Годом «Многими возведенного» считался год начала правления Богдо-гэгэна в качестве монарха-теократа, когда монгольские князья провозгласили в 1911 г. Богдо-гэгэна ханом Автономной Монголии.

²¹⁶ Б. Ширендыб, Народная революция в Монголии и образование МНР, с. 115.

²¹⁷ О. Батсайхан, Монгол ундэстэн бурэн эрхт улс болох замд (1911-1946, х. 169.

²¹⁸ Там же, х. 170.

²¹⁹ С. К. Рошин, Политическая история Монголии, с. 102.

²²⁰ Элбэгдорж в рассматриваемый период был членом ЦК МНРП. Иных сведений обнаружить не удалось.

Ринчино, Жамцарано, *Гомбобадамжав*²²¹. На их рассмотрение был вынесен проект монгольской Конституции, составленный по образцу первого советского основного закона, введенного в действие 6 июля 1924 г. сессией ЦИК СССР. Проект Конституции МНР был составлен комиссией советских юристов под руководством советника Полпредства СССР в Монголии П.В. Всесвятского. Перевод проекта конституции МНР на монгольский язык выполнил Э.-Д. Ринчино.

В ноябре 1924 г. в Улан-Баторе был созван I Великий Хурал, главная цель которого заключалась в утверждении новой Конституции и в формировании государственного аппарата нового типа в соответствии с Основным законом. До этого были организованы первые аймачные хуралы, на которых было избрано 77 делегатов для участия в I Великом Хурале. В их числе 71 человек представлял «бедных арат без аристократических корней»²²². Текст новой Конституции был зачитан делегатам 24-25 ноября Цэрэндоржем, а пояснения давал Э.-Д. Ринчино. Делегаты утвердили Конституцию. С этого дня страна стала официально называться Монгольской Народной Республикой.

Монгольский историк Баабар кратко описывает содержание Конституции Монголии 1924 г. В первой статье она провозглашала: «Вся власть государства принадлежит подлинному народу»; во второй статье: «Государственная и административная политика будет проводиться в соответствии с подлинно народной традицией». В 35-й статье Конституции было дано определение тому, кто не относится к «подлинному народу»: «Бывшие князья, высшие ламы и те ламы, которые постоянно проживали в монастырях, лишаются избирательного

²²¹ *Гомбобадамжав (Гомбо Бадмажапов)*, по национальности бурят, родился в 1872 г. в местности Бухэн-Тохой Жаргалантуйской общины Селенгинского ведомства. После окончания школы в 1889 г. служил в Пекине в русской почтовой конторе. Самостоятельно изучил китайский и маньчжурский языки. С 1893 г. работал переводчиком при амурском губернаторе, с 1898 г. служил при пограничном комиссаре Амурской области. В 1900 г. молодой казак офицер русской армии Гомбо Бадмажапов был переведен в Порт-Артур. Участвовал в русско-японской войне 1904-1905 гг. С первых дней революции временно исполнял должность председателя Селенгинского аймачного революционного комитета. В 1924 г. был назначен советником Министерства юстиции Монгольского народно-революционного правительства. Участвовал в написании первой конституции МНР. - <http://asiarussia.ru/persons/16429/>. Дата обращения – 28.05.2018.

²²² Баабар, История Монголии: от мирового господства до советского сателлита, с. 273.

права»²²³. В третьей статье Конституции было узаконено: «Вся земля и ее недра, леса, воды и их богатства объявляются общенародным достоянием, и частная собственность на них не допускается»²²⁴. Также I Великий хурал принял резолюцию о переименовании столицы Монгольской Народной Республики из Их Хурээ (Урга) в Улан-Батор²²⁵.

Авторы книги «История Монголии. XX век» считают, что монгольская Конституция 1924 г. была конституцией демократического типа, причем с определенной антикапиталистической направленностью²²⁶. Ее составители, при всей декларативности, формальности ряда статей и положений, несомненно, исходили из интересов монгольского народа (как они тогда понимались) и искренне верили, что она поможет Монголии вступить на путь социального прогресса. Установление республиканского строя, принятие Конституции шли в русле развития монгольской государственности, укрепления суверенитета страны. Осуществлялись первые меры по практическому реформированию органов государственного управления. В конце 1923 - начале 1924 г. состоялись выборы в местные органы власти, в результате которых выступавшие организаторами этих выборов местные комитеты МНРП обеспечили за выходцами из социальных низов наибольшее представительство в составе депутатов. Что касается буддийских священнослужителей и светских аристократов, прежде выступавших в роли господствующей социальной корпорации, то новые власти начали планомерно отстранять их от всех сфер государственного управления. Отменялись все степени, звания, титулы, жалованья прежней знати, многие ее привилегии (в том числе налоговые), разного рода повинности и сборы с аратов в пользу буддийской церкви и светских князей. Таким образом, созыв Великого Хурала, провозглашение Народной республики явились важным историческим событием в жизни Внешней Монголии.

²²³ Там же, с. 275.

²²⁴ Там же, с. 276.

²²⁵ Там же, с. 276.

²²⁶ История Монголии. XX в., с. 74.

Заключение

Подводя итог сказанному в данной работе, следует отметить, что рождение новой монгольской государственности в облике Народной республики происходило под воздействием мощных социальных катаклизмов в окружающих Монголию странах – Советской России и Китае. Являясь отчасти продуктом коминтерновской политики и гражданской войны в России, монгольская революция 1921 г. вобрала в себя многовековой опыт борьбы за суверенитет, независимость и объединение монголоязычных народов. Революция 1921 г. фактически совместила два противоречивых начала: во-первых, идеи движения за независимость 1911-1912 гг., органично перешедшие от теократического руководства к новому Народному правительству; во-вторых, идеологическое влияние Советской России и Коминтерна, рассматривавших Монголию как удобный объект для революционной политики, а также выгодный стратегический «буфер» на дальневосточных рубежах.

В целом, материалы использованных нами исторических исследований позволяют заключить, что основным политическим результатом революционных событий 1921 г. и последующих преобразований Народного правительства стало восстановление административных структур национального монгольского государства. При этом произошедшие изменения сформировали предпосылки для дальнейшей коренной трансформации устоев монгольского общества, произошедшей в середине и второй половине XX в. Облик новой государственности во Внешней Монголии не являлся полной копией теократии, которая была прежде характерна для Монголии в период автономии. Именно эта трансформация, в свою очередь, заложила фундамент, на котором выстроено современное независимое монгольское государство.

В работах советских и монгольских историков тематика, связанная с событиями 1921-1924 гг., являлась одним из приоритетных направлений исследований с середины 1920-х и вплоть до 1980-х гг. Интерес к данной тематике сохранился и у современных российских и монгольских ученых.

Причем, этот интерес в немалой степени обусловлен изменениями в подходе ко многим ключевым проблемам истории Монголии в связи с отказом от прежней марксистской научной методологии. Демонстрируя очевидную солидарность в определении характера революции и последовавших за ней преобразований, современные российские и монгольские историки вместе с тем расходятся в оценке ее движущих сил и политических последствий. Российские исследователи, анализируя закономерности, обусловившие итоги событий, произошедших во Внешней Монголии в 1921-1924 гг., как правило, обращают внимание на то, что эти закономерности во многом складывались в результате стечения внешнеполитических обстоятельств. В результате, по их мнению, именно влияние Советской России стало решающим фактором, способствовавшим восстановлению национальной монгольской государственности и дальнейшего ее укрепления. При этом отечественные исследователи исходят из того, что декларированный этим государством суверенитет в начале его существования еще не имел собственных объективных политических и экономических основ²²⁷. Попутно следует заметить, что подобных позиций во многом придерживаются и авторы использованных нами западных исторических исследований²²⁸. Монгольские историки напротив полагают, что события 1921-1924 гг., при всех очевидных внешних влияниях на Монголию преимущественно стали результатом его саморазвития. Соответственно, и государство, появившееся во Внешней Монголии в 1921 г. характеризуется этими авторами как, в принципе, суверенное и независимое²²⁹. Сказанное убеждает в том, что в историческом монголоведении изучение событий монгольской истории, произошедших в 1921-1924 гг. сохраняет значение одного из наиболее актуальных и перспективных направлений научных исследований.

²²⁷ С. Г. Лузянин. Россия-Монголия-Китай в первой половине XX века, с. 48; И. М. Майский. Монголия накануне революции, с. 95; Э. В. Батунаев, Борьба за независимость монгольского государства, с. 122-123; С. К. Рошин, Политическая история Монголии, с. 7-8.

²²⁸ Christopher P. Atwood. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire, p. 46; Ch. Bawden, The modern history of Mongolia, p. 209; M. Rossabi, From Yuan to Modern China and Mongolia, p. 466.

²²⁹ О. Батсайхан, Монгол ундэстэн бурэн эрхт улс болох замд (1911-1946), х. 189; Баабар. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита, с. 207; Р. Болд. Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США-Россия-Китай, 1910-1973, с. 110-111.

Список использованной литературы

Литература на русском языке

1. Баабар. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. Пер. с англ. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. – 543 с.
2. Батунаев Э. В. Борьба за независимость Монгольского государства (1911-1921 гг.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. – 160 с.
3. Болд Р. Независимость и признание. Монголия в треугольнике интересов: США-Россия-Китай, 1910-1973 / Пер. с монг.; предисл. А. С. Железнякова. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2015. – 400 с.
4. Викторов С., Халхин Н. Монгольская народная республика. – М., : Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. - 62 с.
5. Горохова Г. С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII - начало XX в.). М.: Наука, 1980. – 132 с.
6. Жабаева Л. Б. Становление российско-монгольского сотрудничества в военной области // Вестник ВСГТУ, № 1. - Улан-Удэ, 2012. – 101-108 с.
7. Жабаева Л. Б. Элбэк-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ, ВСГТУ, 2001. – 335 с.
8. Железняков А. С. Рождение монгольского коммунизма: 1920 год. // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2000. – с. 47-62.
9. Златкин И.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии; Акад. наук СССР, Ин-т Востоковедения. – М.: Изд-во восточной лит., 1957. – 300 с.
10. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / Российская академия наук, Институт Дальнего Востока; гл. ред. С. Л. Тихвинский. – М.: Наука. Восточная лит., 2013.
11. История Монголии. XX век / М.И. Гольман, В.В. Грайворонский, Г.С. Яскина и др.; отв. ред. Г.С. Яскина; Российская акад. наук, Ин-т востоковедения. – М.: ИВ РАН, 2007. – 448 с.
12. История Монгольской Народной Республики / Гл. ред. акад. Е.М. Жуков и др.; АН СССР, АН МНР. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1967. – 537 с.
13. История советско-монгольских отношений. / М.И. Гольман, Б. Ширендыб, Ш. Нацагдорж и др.; Редкол.: Б.Г. Гафуров, Б. Ширендыб (гл. редакторы) и др.. - М : Наука, 1981. – 352 с.
14. Каллиников А. Национально-революционное движение в Монголии. - М.; Л : Моск. рабочий, 1926. – 118 с.
15. Каллиников А. Революционная Монголия. – М.: Госиздат, 1926. – 96 с.
16. Кислов А. Н. Разгром Унгерна : (О боевом содружестве советского и монгол. народов): Воен.-ист. очерк. М.: Воениздат, 1964. – 100 с.

17. Кузьмин С. Л. Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости. – М., 2016. – 584 с.
18. Кузьмин С. Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. – 659 с.
19. Кузьмин С. Л. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века. – Российская акад. наук, Ин-т востоковедения. - Москва : Товарищество науч. изд. КМК, 2016. - 496 с.
20. Кунгуров Г. Ф. и Сороковиков И. А. Аратская революция: Ист. очерк. – Иркутск: Кн. изд-во, 1957. – 208 с.
21. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. – М.: Изд-во политической литературы, т. 44, 1970. – 710 с.
22. Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. - Рос. Акад. наук, Ин-т Дал. Востока. – М.: Огни, 2003. – 319 с.
23. Лузянин С. Г. Монголия: между Китаем и Советской Россией. 1920-1924 // Проблемы Дальнего Востока, № 2 – М., 1995. – с. 71-85.
24. Майский И.М. Монголия накануне революции. Акад. Наук СССР, Ин-т Востоковедения. – М.: Изд-во вост. лит., 1959. – 310 с.
25. Майский И. М. Современная Монголия. – Иркутск: отд. Госиздата, 1921. – 332 с.
26. Матвеева Г. С. Монгольский революционный союз молодежи: История и современность. - М. : Наука, 1983. - 248 с.
27. Очерки истории Монгольской народно-революционной партии / Ин-т обществ. наук при ЦК МНРП ; Ред. комис.: Б. Лхамсурэн и др. - 3. изд., испр. и доп. - Улан-Батор : Госиздат, 1987. - 519 с.
28. Першин Д. П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак. - Самара: Агни, 1999. – 280 с.
29. Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921-1924 гг.: Документы: [Пер. с монгол.] / Сост. Ц. Насанбалжир; Ред. Ц. Пунцагноров ; Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения. - Москва : Изд-во вост. лит., 1960. - 211 с.
30. Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке / Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения, Акад. наук Монголии. Ин-т междунар. исслед.; [Редкол.: Алтанцэцэг Н. и др.]. - М.: ИВ РАН, 2001. - 276 с.
31. Рощин С. К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.); Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. - М: ИВ РАН, 1999. – 327 с.
32. Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия, XVI - нач. XX в. - Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1988. – 101 с.
33. Советско-монгольские отношения. 1921-1974. Сборник документов. – т. 2. – М.: Международные отношения, 1979. – 450 с.

34. Цеденбал Ю. Сорокалетие Великого Октября и монгольский народ. - Москва : Госполитиздат, 1957. – 53 с.
35. Чойбалсан Х. Краткий очерк истории монгольской народной революции: Пер. с монг. – М.: Изд-во иностр. лит., 1952. – 79 с.
36. Ширендыб Б. История монгольской народной революции 1921 года. Сокр. пер. с монг.яз. – М.: Наука, 1971. – 400 с.
37. Ширендыб Б. Народная революция в Монголии и образование МНР (1921-1924). – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 158 с.
38. Юзефович Л. А. Самодержец пустыни (феномен судьбы барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга). – М.: Эллис Лак, 1993. – 150 с.

Литература на английском языке

1. Atwood Ch. P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. – New York: Facts on File, 2004. – 678 p.
2. Bawden C.R. The Modern History of Mongolia. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1968. – 441 p.
3. Lattimore O. Nationalism and revolution in Mongolia.– New York: Oxford univ. press, 1955. – 185 p.
4. Rossabi M. From Yuan to Modern China and Mongolia: The Writings of Morris Rossabi. – Boston: Brill, 2014. – 710 p.
5. Sneath D. The History of Mongolia. – UK: Global Oriental Ltd, 2010. – 1122 p.

Литература на немецком языке

1. Veit V. Von der Autonomie zur Revolution und Volksrepublik: Qalqa 1911 bis 1924. - Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1986. – 24 s.

Литература на монгольском языке

1. Б. Балдоо, С. Дамдинсурэн, Л. Хайсандай. Монголын тусгаар тогтнол ба орос, хятадын хүчин зүйл. (Установление независимости Монголии и российское и китайское влияние). – Улаанбаатар: «ADMON», 1999. – 130 х.
2. Батсайхан О. Монгол ундэстэн бурэн эрхт улс болох замд (1911-1946). (Монголия на пути становления национального государства). – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академи, 2014. – 396 х.
3. Дайчин нөхөрлөл. (Боевое содружество) / Ж. Балжинням, П. А. Жилин. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэл газар, 1985. – 342 х.
4. Пунцагноров, Ц. Монголын автономит үеийн түүх (1911-1919). (История Монголии в период автономии) . – Улаанбаатар: Улсын хэвлэл, 1955. – 220 х.

5. Роцин С. К. Монголын үндэсний баатар Д. Сүхбаатар (намтрын хуудсууд). (Национальный герой Монголии Д. Сухэ-Батор (штрихи биографии). – Улаанбаатар: Сэлэнгэ пресс компани, 2011. – 280 х.

Электронные информационные ресурсы

1. Право третьей стороны. / Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/341313> ;
https://normative_reference_dictionary.academic.ru/80351/
2. Сведения о молитве Бат-Оршил. / Режим доступа: <http://savetibet.ru/2011/11/04/bogdo-gegen.html>
3. Сведения о Даншиг Наадаме. / Режим доступа: <http://asiarussia.ru/buddhism/8373/>
4. Справка о денежном обращении советских червонцев. / Режим доступа: <https://ria.ru/spravka/20121127/911895570.html>
5. Сведения о Гомбо Бадмажапове. / Режим доступа: <http://asiarussia.ru/persons/16429/>